ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 137 (3166) Четверг, 19 ноября 1953 г. Цена 40 коп.

НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ФАКУЛЬТЕТЫ

Большие изменения, происходящие в народном хозяйстве страны, требуют новых знаний от практиков сельского хозяйства, торговли, легкой и пищевой промышленности. И в то же время для этих отраслей хозяйства требуется большое количество новых специалистов с высшим образованием.

В связи с этим открывается несколько новых высших учебных заведений. Два из них — Всесоюзный заочный институт и Институт усовершенствования руководящих и инженерно-технических работников будут готовить специалистов для пищевой промышленности. Институт усовершенствования создает свои филиалы в Ленинграде, Киеве, Алма-Ате, Омске и Армавире. Работники предприятий, имеющие среднее образование, смогут получить в этих вузах высшее образование или завершить прерванную учебу.

Создаются два института по усовершенствованию знаний специалистов МТС. Кроме того, директора и главные инженеры МТС, имеющие большую производственную практику, смогут в течение двух лет получить высшее образование на специальных факультетах по подготовке инженеров-механиков, создающихся в нынешнем году при сельскохозяйственных институтах Москвы, Челябинска, Харькова, Саратова, Мелитополя, Ташкента, Воронежа. Большое количество филиалов открыл на фабриках и заводах Всесоюзный заочный институт текстильной и легкой промышленности; его слушатели получат высшее образование, не прерывая работы.

Расширяют количество слушателей и многие существующие институты, готовящие специалистов для этих отраслей промышленности. Так, Всесоюзный заочный институт советской торговли примет в 1954 году на пятьсот студентов больше, чем в нынешнем. Одновременно открываются два новых института молочной промышленности — в Новосибирске и Калининграде. Московский и Киевский технологические институты пищевой промышленности впервые будут готовить инженеров новой квалификации — пищевого машиностроения и энергетики промышленных предприятий.

Новые учебные и жилые корпуса для вузов сельского хозяйства, торговли, легкой и пищевой промышленности строятся в Москве, Таллине, Фрунзе, Ташкенте, Самарканде, Мурманске, Барнауле и других городах. Лаборатории этих институтов будут оснащены новейшим оборудованием.

В одной семье

17 ноября советские студенты, так же как и вся прогрессивная молодежь мира, отметили Международный день студентов. Ему предшествовала Международная студенческая неделя.

В эти дни в высших учебных заведениях страны, домах культуры и студенческих клубах проводились вечера дружбы, беседы и лекции, посвященные борьбе молодежи за мир и взаимопонимание. Собрание актива молодежи Москвы и Московской области состоялось в Колонном зале Дома союзов, вечера и беседы — в Московском государственном университете имени Ломоносова, Высшем техническом училище имени Баумана, Энергетическом институте имени Молотова и других вузах. Во вторник, 17 ноября, в Центральном доме работников искусств состоялся интернациональный вечер учащейся молодежи.

Завтра, 20 ноября, вечер дружбы проводят студенты Сельскохозяйственной академии имени К. Тимирязева. В академии учатся в настоящее время посланцы Китая, Польши, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Кореи, Албании, Вьетнама, Германской Демократической Республики. Их окружает теплая братская забота советских друзей.

В одном из красных уголков академии наш фотокорреспондент заснял группу студентов факультета почвоведения и агрохимии, готовящихся к лекциям. За столом занимаются (слева направо): студентка Г. Смольникова (СССР), Юлиан Павлюс (Польша), Юлия Лаклия (Венгрия), Антон Слензак (Польша).

Фото В. Поспелова

Памяти героя-партизана

ОВРУЧ (Житомирская область). Десять лет назад партизанское соединение Героя Советского Союза Сабурова освободило город Овруч от фашистских захватчиков и удержало его до подхода частей Советской Армии. В боях за освобождение Овруча принимал участие чехословацкий партизанский отряд под командованием Яна Репкина-Налепко.

На днях в Овруче состоялся митинг, посвященный возложению венков на могилу командира партизанского чехословацкого отряда, Героя Советского Союза Яна Репкина-Налепко, павшего смертью храбрых 16 ноября 1943 года.

На митинге выступили председатель исполкома Житомирского областного Совета депутатов трудящихся тов. Богатырь, бывший политрук группы партизанского отряда, ныне директор Овручской средней школы № 4 тов. Белявский и бывший командир партизанского соединения тов. Сабуров.

Представители трудящихся города и близлежащих сел возложили многочисленные венки у подножья памятника.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* **Кинофестиваль о борьбе за мир.** В городах и селах Читинской области проходит фестиваль фильмов, посвященных борьбе за мир. Перед киносеансами читаются лекции о международном положении и внешней политике Советского Союза.

* **Телевизионные передачи.** Киевский телевизионный центр начал цикл передач на сельскохозяйственные темы. Большое место отводится пропаганде достижений агробиологической науки и механизации сельского хозяйства.

* **Пропаганда музыкальной культуры.** В Кемерове состоялся музыкальный вечер, посвященный 60-летию со дня смерти П. И. Чайковского. Этим положено начало регулярной работе постоянного литературно-музыкального лектория. В области создано до тридцати постоянных музыкальных лекториев и их филиалов.

* **Новый казахский фильм.** Алма-атинская киностудия художественных и хроникальных фильмов закончила съемки художественной кинокартины «Козы Корпеш и Баян Слу». Фильм создан по мотивам казахского народного предания, поставлен по сценарию Г. Мусрепова.

* **Музей природоведения.** В Ереване открылся музей природоведения. В отделе растениеводства музея собрана богатая коллекция сельскохозяйственных культур, представлена флора Советского Союза.

* **Саратовский газ для Рязани.** В конце сентября начались работы по газификации Рязани.

От газопровода Саратов—Москва до городской газораспределительной станции будет построена новая линия. Центральная магистраль газопровода длиной в 14 километров пройдет по центральным улицам города—Ямской, Ряжской, имени М. Горького, имени Ленина, имени Дзержинского, 1 Мая, Свободы и другие. На снимке: рытье траншей, предназначенных для укладки труб на окраине Рязани.

Фото А. Князева

* **Строительство на Сахалине.** Во всех районах Сахалина строятся новые дома культуры, клубы, кинотеатры, школы и больницы. Особенно быстро расширяется библиотечная сеть. В поселках рыбаков, лесорубов, колхозников и угольщиков открыто 39 новых библиотек, из них пять — на Курильских островах. Сейчас в области 1060 городских и сельских библиотек.

НА СЕЛЬСКОМ ЭКРАНЕ

А. МАРЬЯМОВ

Случилось так, что в один и тот же день нам довелось услышать два следующих ответа на один и тот же вопрос о кинообслуживании сельского населения:

— Мы считаем, что с охватом колхозного зрителя у нас сейчас дело обстоит неплохо. В области нет такого колхоза, который не обслуживался бы киносеансами реже, чем два-три раза в месяц.

Так гласил первый ответ. А несколько часов спустя мы услышали второй:

— Бывает ли кино? Да вот в августе привозили «Западную зону». А перед этим был сеанс в декабре прошлого года. Уже не помним, что тогда смотрели. Других фильмов за весь год не видели, — ну те, кто в район или в область ездил, те, конечно, в кино бывали...

Первую фразу мы услышали от заведующего рязанской областной конторой кинопроката; вторую — от председателя сельского Совета в селе Кобылинка той же области. И зав. районным отделом культуры в Спас-Клепиках потом подтвердил:

— Да, с Кобылинкой у нас неладно. Когда разрабатывали кольцевые маршруты для киномехаников, вышло так, что она ни в один маршрут не уложилась. Откуда ни возьми, — все Кобылинка в стороне. Вот и получилось, что заезжают туда от случая к случаю, когда оказия подвернется...

В соседнем — Тумском — районе можно уже составить целый список деревень, куда киномеханики не попадают даже с оказией. О таких деревнях в районном отделе культуры говорят, что они «не подлежат кинообслуживанию». Это термин не самодеятельный, и мы его слышали не только в Туме, но и в ряде районов Владимирской области. Например, в Суздале говорили, как о вещи, которая разумеется сама собою:

— Ежели одна деревня отстоит от другой за два-три километра, то, конечно, передвижка бывает только в одной из них.

Почему же «конечно»? Расчет простой: если захотят посмотреть фильм, то сходят, мол, и за два-три километра.

Но из этих расчетов выпадает размытая осенним дождем дорога, которая на карте района, быть может, выглядит простой и близкой, а на деле весьма длинна и трудна. Из этих расчетов выпадает ранняя и непроглядная темнота осенних вечеров. Наконец, из них выпадает реальное представление о том живом человеке, ради которого и создана у нас вся широкая сеть сельских кинопередвижек,— представление о советском колхознике, его культурных запросах и личных удобствах.

Говоря об удовлетворении этих запросов, нельзя прятаться за кажущимся благополучием «средних цифр» и возросших суммарных показателей.

Начнем с главного: действительно ли можно считать, — как это считают некоторые работники кинопроката,— что «с охватом сельского зрителя дело обстоит неплохо» и что нынче у нас уже достигнуто такое положение, при котором фильмы регулярно смотрит население каждой деревни?

К сожалению, такой утешительный вывод может быть сделан только на основании «средних» и к тому же весьма приблизительных данных. Конечно, сделано в этом направлении очень много и, по сравнению с предвоенными годами, сельская аудитория значительно возросла. Но есть еще и сегодня целый ряд деревень, которые видят у себя киномеханика с передвижкой крайне редко, а то и не видят вовсе,— так и числясь «неподлежащими обслуживанию». Если взять цифры посещаемости кинотеатров по всей стране, то окажется, что **городской зритель за год бывает в кино в несколько раз больше, чем сельский.**

Кинопередвижка — это временный и далеко не лучший способ кинообслуживания. С годами передвижку вытеснят постоянно действующие установки в сельских клубах. Но многие клубы сейчас находятся в таком состоянии, что в них не может найти приют не только стационар, но даже и передвижная киноустановка. И все же, несмотря на то, что помещений, в которых могли бы демонстрироваться фильмы, у нас должно быть больше, далеко не всегда это является действительной причиной того, что то или иное село оказывается забытым работниками кинопроката.

До прошлого года дело обстояло так: механик получал фильм, отправлялся с ним в несколько сел, затем возвращался на базу, получал новый фильм и начинал путешествие сначала. Всякий раз наново разрабатывались при этом и маршруты. Теперь для каждого механика твердо, раз и навсегда, разработан кольцевой маршрут. Проехав по этому маршруту с одним фильмом, он, не возвращаясь на базу, обменивается коробками с механиком, обслуживающим соседнее кольцо. Лишь в условленные дни, когда распределенные фильмы совершают полный оборот по всему району, механики встречаются на базе и получают новые программы с тем, чтобы возвратиться на свой постоянный маршрут. Спору нет, эта система несравненно более гибкая, нежели та, что существовала прежде.

Но преимущества новой системы сказались бы еще явственнее, если бы кольцевые маршруты были продуманы так, чтобы из них не исключался целый ряд колхозов, якобы «не подлежащих кинообслуживанию». И, во-вторых, достижения кольцевой системы проявились бы в полной мере в том случае, если бы в точности соблюдался график каждого маршрута.

Сейчас эти графики, как правило, не соблюдаются.

В первом полугодии нынешнего года в Никологорском районе, Владимирской области, ни разу не видели фильмов колхозники 27 населенных пунктов, включенных в кольцевые маршруты; в Петушинском и Селивановском районах той же области было по 22 таких населенных пункта; в Струнинском районе — 13.

Слишком часты простои киноустановок. По Челябинской области, например, простои в течение полугода составили 5,7 проц. к общему числу рабочих дней, а по Владимирской области — 8,3 проц. Больше половины простоев занесено в сводках в графу, которая озаглавлена весьма туманно: «другие причины». На самом деле за этим кроется плохая организация дела, низкая трудовая дисциплина, отсутствие твердого контроля.

Среди причин объясненных чаще всего фигурирует отсутствие транспорта. Это проблема, с которой каждому сельскому киномеханику приходится сталкиваться почти ежедневно. Существует порядок, обязывающий колхозы и сельсоветы предоставлять для кинопередвижек свой транспорт. Но не предусмотрено важное условие: не оговорено, как должна оплачиваться перевозка. Предоставлять транспорт бесплатно колхозы не хотят, и в этом они правы. Но тарифы оплаты существуют двоякие. Есть тариф на перевозку почты. По этому тарифу готовы оплачивать доставку передвижек организации кинопроката. И есть значительно более высокий тариф, распространяющийся на перевозку товаров для сельской торговой сети. По такому тарифу хотели бы расценивать перевозку аппаратуры и фильмов многие председатели колхозов. Но тогда на оплату счетов недостало бы порою и всей выручки от киносеансов. Тарифы и взаимные права и обязанности кинопрокатных и сельских организаций должны быть упорядочены и приведены в полную ясность.

Но, кроме колхозного транспорта, именуемого в прокатных организациях «давальческим», органы кинофикации располагают еще и собственными автомашинами. Если верить средним цифрам сводок, то получится так, что из каждых четырех передвижек одна обеспечена своей машиной. На деле это не так. Многие машины, якобы закрепленные за передвижками, используются не по назначению. Еще большее количество давно уже вышло из строя.

* * *

Наряду с дальнейшим расширением кинообслуживания важным вопросом является также сокращение сроков, необходимых для того, чтобы новый фильм, показанный в городах, дошел до сельских передвижек.

Сейчас этот срок колеблется от 4—6 месяцев до года и даже до полутора лет.

Почему же этот срок так велик?

Когда вы задаете такой вопрос руководителям областных организаций кинопроката, то в ответ неизменно слышатся жалобы на малые тиражи, на нехватку копий. Это справедливо. Тиражи новых фильмов пока недостаточны. Областная контора получает, как правило, 4—6, редко 9—10 копий каждого фильма. Для того, чтобы новые фильмы могли печататься в достаточном количестве экземпляров, нужно увеличить производство пленки, усилить мощность существующих копировальных фабрик. Но есть в этом деле и другая сторона, о которой руководители местных организаций кинопроката предпочитают умалчивать.

Возьмем для примера судьбу фильма «Сельский врач» на сельских экранах Куйбышевской области.

Фильм пришел в Куйбышевскую контору кинопроката более чем полтора года тому назад. За этот долгий срок он все еще не показан на 51 сельской установке.

Значит, причина не только в нехватке копий, но прежде всего в неумении по-государственному отнестись к важному делу, по-хозяйски, оперативно использовать полученные копии.

Колхозник хочет, чтобы фильмы в его селе показывались достаточно часто, чтобы новые картины, о которых он читал в газетах, попадали на колхозный экран побыстрее. И, наконец, он хочет видеть фильм без изъянов — с ясным изображением и внятным звуком. Между тем качество киносеансов также оказывается зачастую недопустимо низким. Происходит это либо потому, что плоха копия, либо плоха аппаратура, либо недостаточно квалифицирован киномеханик.

Чаще всего сказывается первая из этих причин.

Фильмы, допущенные к демонстрации, делятся по степени сохранности на четыре категории. Есть и пятая — это копии, совершенно износившиеся, которые на месте не могут быть приведены в порядок; они не выдаются на киноустановки, но возвращаются в главное управление для ремонта в фабричных условиях. В соответствии с правилами копии четвертой категории могут быть изношены, подклеены в местах обрывов, но они должны полностью соответствовать монтажным листам, сохранять все кадры и всю звуковую дорожку.

Однажды в деревню Ивкино близ Спас-Клепиков приехала Нина Виклова — хороший механик, комсомолка, искренно болеющая за свое дело. Она привезла фильм «Девушка спешит на свидание», отнесенный к четвертой категории. И все сто шесть колхозников, присутствовавших на сеансе, проводили ее улюлюканьем и свистками. Потому что в фильме вовсе не оказалось начала, не хватало многих кадров, не было конца, а в середине ленты звук не соответствовал изображению, так как звуковая дорожка не совпадала с кадрами. К тому же лента часто рвалась.

Иными словами, в четвертую категорию попала копия, которую непременно следовало бы перевести в пятую и снять с экрана. Это далеко не единичный случай. Старые, изорванные, негодные к прокату фильмы демонстрируются на колхозном экране повсеместно. Фильмы в районных базах кинопроката очень быстро изнашиваются. В фонде Куйбышевской конторы из 804 проверенных копий пришлось отнести к четвертой категории почти половину (367 копий), причем подавляющее большинство из них стали «инвалидами» задолго до нормативных сроков износа, порою не выдержав и половины положенного им количества сеансов.

Это происходит потому, что в областных конторах и в районах не соблюдаются правила профилактики, поверхностно производится проверка технического состояния.

И, конечно, плохое состояние копий самым тесным образом связано со столь же плохим состоянием аппаратуры. Ремонтные базы в областях очень слабы, и работают они крайне неудовлетворительно. Аппаратура, полученная из ремонта, зачастую вновь портится на первом же сеансе. Необходимо усилить эти базы, технически оснастить их и добиться ответственного отношения к каждому выполняемому заказу.

Среди киномехаников — немало энтузиастов, любовно делающих свое важное и нелегкое дело. Но нужна повседневная забота о повышении их квалификации, о закреплении кадров (а сейчас они еще очень текучи), об обмене опытом.

Для того, чтобы киносеансы были полноценными, в отделах культуры нужно тщательно продумывать репертуар. Между тем планы зачастую составляются попросту из фильмов, оказавшихся под рукой. И тогда получается, например, что в течение всего августа колхозники Малинского района, Житомирской области УССР, смотрят лишь заграничные фильмы, не видя ни одной новинки советского киноискусства, а в Городницком районе той же области показывают один за другим только фильмы-спектакли.

Кстати, об учете запросов зрителя.

Киномеханики регулярно привозят из своих рейсов многочисленные заявки, полученные ими в селах. Но удовлетворяются эти заявки очень редко.

В прошлом году в областные конторы кинопроката были посланы два ролика с записями нескольких песен и танцевальной музыки. Эти ролики запускались перед началом сеанса, чтобы развлечь ожидающих зрителей. Они очень понравились, и оттуда, где их успели услышать, все время приходят повторные заявки на подобные ролики. Но выпуск их почему-то прекращен, хотя дело это недорогое и зрителем горячо одобренное.

* * *

Борьба за широту и высокое качество кинообслуживания сельского населения — важное государственное дело. Самое массовое из искусств — кино является пропагандистом великих идей коммунизма, политики нашей партии, оно призвано воспитывать высокие эстетические вкусы народа.

Для успешного продвижения кино в массы нужны помощь колхозов и сельсоветов, постоянный контроль и помощь партийных и советских организаций, нужно планомерное расширение большой и сложной технической базы.

Но думается, что главное условие успеха — отказ от самоутешений, основанных на «средних цифрах» и «валовых итогах», и ясное понимание всей важности и срочности того, что **еще не сделано** и что **должно быть сделано** для превращения кино в подлинное и повседневное достояние каждого колхозника нашей страны.

Выставка китайского искусства в колхозном клубе

Необычный вид принял на днях зал колхозного клуба в селе Беличи, Киевской области. Были вынесены скамьи и стулья, пустовала сцена, но людей в зале было много. Они с интересом рассматривали цветные плакаты и яркие картины — экспонаты открытой в селе выставки работ китайских художников.

Выставка в Беличах очень быстро стала популярной среди населения соседних сел. Здесь можно встретить колхозников и школьников села Романовки, жителей поселка имени Коцюбинского, железнодорожников станции Беличи...

Экспонаты выставки знакомят посетителей с великими преобразованиями, происшедшими в Китайской Народной Республике, показывают, как живет сегодня многомиллионный китайский народ.

Коллектив сотрудников Киевского государственного музея западного и восточного искусства, устроивший эту выставку, решил и дальше поддерживать связь с сельским клубом. Научные работники музея прочитают здесь цикл лекций об искусстве.

Выставка работ китайских художников будет экспонирована и в других сельских клубах. Работники музея готовят, кроме того, для сел Киевщины передвижные выставки, посвященные творчеству современных румынских и болгарских художников.

КИЕВ. (**Наш корр.**).

Отъезд исландского писателя Х. Лакснесса на родину

Исландский писатель Халлдор Лакснесс, гостивший по приглашению Союза советских писателей СССР в течение месяца в нашей стране, выехал на родину. В своем письме Союзу советских писателей СССР Халлдор Лакснесс заявил, что его поездка в Советский Союз «принесет положительные и практические результаты, способствующие укреплению дела дружбы и мира».

Международные отклики

МЕСЯЧНИКИ ДРУЖБЫ

Во многих странах славной традицией стали месячники дружбы с Советским Союзом. В Польше, Румынии, Чехословакии и в других странах народной демократии с большим подъемом прошли и проходят сейчас такие месячники. Фестивали советских кинофильмов в этих странах, спектакли советских театров, широкое распространение произведений советских писателей помогают еще более тесному сближению братских народов. «Идея дружбы с СССР — непобедимой крепостью лагеря мира и социализма — глубоко запала в сердца миллионов поляков,— пишет польская газета «Трибуна люду».— Идея дружбы проложила путь нашей национальной независимости, позволила возродиться Польше...»

В Германской Демократической Республике, где 1 ноября торжественно начался месячник германо-советской дружбы, широчайшие слои немецкого народа демонстрируют горячие симпатии к Советскому Союзу. Многолюдный митинг в Фридрихштадтпаласте в Берлине прошел под лозунгом: «Друзья Советского Союза служат делу мира!». В Сталинштадте, Магдебурге, Эрфурте и многих других городах ГДР в ряды Общества германо-советской дружбы вступили сотни новых членов. «Дружба с миролюбивым советским народом является жизненно важной для всего немецкого народа»,— сказал на митинге заслуженный народный учитель Ганс Лаверенц из Вернигароде.

В капиталистических странах традиционные месячники дружбы с Советским Союзом приобретают в этом году особое значение. Они проходят под знаком борьбы за мир, против угрозы новой войны. Широчайшие народные массы стран Западной Европы справедливо видят в дружбе с СССР надежную гарантию мира и безопасности.

В Лондоне друзья Советского Союза собрались 8 ноября на торжественный митинг, посвященный открытию месячника, в крупнейшем зале столицы «Эмпресс-холле». Но и он едва мог вместить тех, кто хотел выразить чувства любви к советским людям. «Мы твердо уверены в том, что пришло то время, когда обе наши страны посредством восстановления к нашей взамной выгоде нормальных дружеских и торговых отношений могут показать пример всем остальным странам в деле достижения прочного мира и безопасности»,— говорится в обращении, переданном от имени 250 профсоюзных организаций советскому послу в Англии. «Мы выражаем наше восхищение благородной стойкостью народов Советского Союза в борьбе за мир»,— сказал Марди, горняк из Южного Уэльса.

Ассоциация «Франция — СССР» проводит сейчас кампанию за сближение с Советским Союзом, призывая положить в основу внешней политики Франции франко-советский договор о союзе и взаимопомощи, заключенный в 1944 году. Доклады и выставки в различных городах Франции посвящены жизни в Советской стране. Широко демонстрируются советские фильмы. Вице-председатель Ассоциации Аллен ле Леап пишет в «Юманите»: «Все те, кто обеспокоен будущим Франции, смогут в ходе этой кампании понять все причины, по которым Франция должна восстановить в полной мере действие франко-советского договора от 10 декабря 1944 года». Французская прогрессивная печать подчеркивает, что сближение с Советским Союзом, франко-советская дружба являются надежной гарантией от угрозы германской агрессии.

В Италии месячник итало-советской дружбы открылся 1 ноября. Во многих итальянских городах были проведены многолюдные митинги и собрания. Друзья Советского Союза в своих выступлениях настаивали на том, чтобы Италия освободилась от обязательств, связанных с Атлантическим пактом, и установила широкие торговые связи с Советским Союзом и странами народной демократии.

6 ноября в Австрии торжественно открылся месячник дружбы с Советским Союзом. Многочисленные выставки, концерты и доклады знакомят австрийский народ с достижениями советской науки и техники, с успехами советской культуры. В Норвегии месячник норвежско-советской дружбы превратился в подлинный праздник советской культуры. Тысячи норвежцев посетили концерты артистов, приехавших из Советского Союза. «Время от времени, только слишком редко, мы знакомимся с русскими артистами,— пишет газета «Афтенпостен».— И на этот раз советские артисты явились первоклассными представителями своей великой Родины, музыкальная жизнь которой имеет свои собственные традиции...»

Общественность Финляндии проявляет большой интерес к месячнику финско-советской дружбы, начавшемуся в начале ноября.

В Уругвае с большим успехом проходит месячник дружбы, организованный Уругвайско-советским институтом культурной связи. Фотовыставка в Монтевидео, посвященная достижениям Советского Союза в области промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, привлекает множество посетителей. «Советский Союз,— сказал на открытии выставки известный уругвайский врач Освалдо Лусардо, недавно возвратившийся из Советского Союза,— строит счастливую жизнь. Для этого он нуждается в мире. Никто из побывавших в Советском Союзе не может сомневаться в том, что Советский Союз искренне желает мира и активно борется за мир».

Месячники дружбы с Советским Союзом служат делу мира и укреплению связей между советским народом и народами других стран.

ВЫБОРЫ НА ФИЛИППИНАХ

Рамон Магсайсай — новый президент Филиппин. Свою признательность магнатам доллара, обеспечившим его победу на состоявшихся 10 ноября выборах, Магсайсай выразил следующими верноподданническими словами: «Наша страна должна и в дальнейшем надеяться на американскую помощь — экономическую и военную...»

Будучи еще министром обороны в правительстве Кирино, Магсайсай отличался кровавыми расправами над филиппинскими патриотами. Он зарекомендовал себя в глазах американских покровителей «человеком сильной руки».

Рис. Бор. Ефимова

По существу, филиппинские выборы свелись к дуэли между двумя буржуазными партиями — либералами, возглавляемыми президентом Кирино, и националистами, выдвинувшими своим кандидатом Магсайсая. Сколько-нибудь существенной разницы между этими партиями нет. Однако еще до начала избирательной кампании стало ясно, что Соединенные Штаты отдают предпочтение Магсайсаю. Французская газета «Монд» отмечала, в частности, что «обе соперничающие партии открыто добивались поддержки Америки», но «Магсайсай пользовался доверием США».

Почему же американские монополии решили заменить Кирино Магсайсаем? Во-первых, либеральная партия не сумела справиться с народно-освободительным движением на Филиппинах, не смогла подавить его. Во-вторых, Кирино окончательно скомпрометировал себя в глазах филиппинских избирателей. Американский журналист Джозеф Олсоп писал недавно, что Кирино «окружил себя кликой, жадность которой обозлила даже терпеливых манильцев». «Преступники,— рассказывал журнал «Филиппинс фри пресс» о правлении Кирино,— почти безнаказанно терроризировали население... Убийства и политика все еще оставались нераздельны».

Для того, чтобы обеспечить Магсайсаю достаточное количество голосов избирателей, отвернувшихся от Кирино, американцы приложили немало усилий. Во время предвыборной кампании и на самих выборах был полностью использован богатый опыт, накопленный еще в 1949 году. По свидетельству мэра города Манилы Арсению Лаксона, на президентских выборах 1949 года, «самых грязных в истории Филиппин, мы не только предали демократию, но продали также кровь и права всех филиппинцев. Более двухсот человек были зверски убиты, сотни тысяч избирателей терроризованы и запуганы, бюллетени подтасованы, урны заполнены подложными бюллетенями, а подсчет фальсифицирован...»

С тех пор «витрина американской демократии», как пышно именует Филиппины реакционная пресса, пополнилась новыми методами террора и фальсификации, вывезенными из Канзас-сити.

В порядке подготовки к президентским выборам этого года из тюрем были выпущены сотни гангстеров, составивших целую армию «агитаторов»-головорезов. Полиция и войска взяли под «наблюдение» избирательные участки. В счетные комиссии заранее поступил необходимый для выборов реквизит — оружие и боевые патроны. В избирательных списках городов и сел «ожили» души давно умерших людей.

Даже буржуазная печать, комментируя выборы на Филиппинах, весьма иронически относится к их исходу. Так, французская газета «Монд» пишет, что в существующих условиях они «могли иметь один лишь результат — победу США».

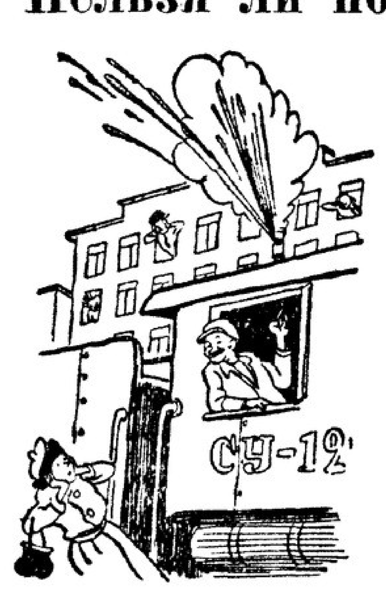
Зарубежные газеты приводят колоритные подробности о новом президенте. Стало, например, известно, что местом отдыха после «изнурительных» выборов Магсайсай избрал американскую военно-морскую базу Сенгли-Пойнт; что начало этому отдыху положила прогулка Магсайсая по Манильскому заливу в обществе американского посла на Филиппинах Спрюэнса на яхте, принадлежащей командующему военно-морскими силами США на Филиппинах Крузену. Стало известно также, что Магсайсай в ближайшее время посетит Вашингтон и обсудит там дела «независимой» республики, президентом которой он стал.

Эти штрихи придают картине «свободных» филиппинских выборов живописную законченность...

ЛИТЕРАТОР

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Нельзя ли потише, товарищи машинисты!

Кого не пугал оглушающий свисток или пронзительный гудок паровоза и электропоезда! Звуки эти стали неким олицетворением движения транспорта. Гудят паровозы в полную силу с экрана кино, со страниц повестей и романов, а в поэзии за последнее время они даже начали конкурировать с соловьями.

Иным кажется, что душераздирающий свист является самой главной силой железнодорожного транспорта. И стоит-де только ослабить силу гудка или запретить кое-где им пользоваться, как прекратится движение.

Так ли это?

Может быть, пора уже подумать о том, что с гудками связана не только романтика минуты прощания при отъездах и радость встречи по прибытии; не только безопасность движения и маневровой работы, но и условия жизни миллионов людей, живущих вблизи железной дороги.

А что это так, видно на примере Москвы и ее пригородов.

Когда-то железнодорожные вокзалы столицы находились почти на окраине и провинциальная глушь начиналась тут же, у заставы, а с вокзалов отправлялось в сутки не более десятка поездов. Свистки паровозов особенно не мешали людям.

Многое изменилось с тех пор. Сейчас Москва широко разрослась, и при этом не только вокзалы, но и добрый десяток километров выходных путей, а также сортировочные станции Окружной дороги оказались среди жилых районов, застроенных многоэтажными зданиями. С вокзала уходит и к нему прибывает превеликое множество поездов. А если добавить к этому еще маневровую работу паровозов на привокзальных путях, то не трудно себе представить то количество свистков и гудков в сутки, которые издаются паровозами, электровозами, дизелями и электропоездами.

Непрерывная перекличка гудков слышится на протяжении десятков километров от Москвы по всем железнодорожным линиям.

Значит, нужно пересмотреть технические условия сигнализации на железнодорожном транспорте.

Но одно дело — нужно. Другое дело — можно ли?

По этому поводу хотелось бы высказать некоторые соображения.

Известно, что паровозы сильно и долго гудят на вокзалах и станциях перед тем, как поезд трогается.

Если раньше часы имелись только на столичных вокзалах да у старшего кондуктора, то, вероятно, была необходимость оповещать пассажиров, провожающих и самих железнодорожников об отправлении поезда при помощи звонков и мощных гудков.

Теперь почти во всех поездах, на вокзалах, станциях и даже на пригородных платформах есть радио, через которое оповещают всех присутствующих в районе вокзала о времени прибытия или отправления поезда.

Надо ли в этих новых условиях давать продолжительный, оглушающий свисток?

Ответ на это дает практика работы самого железнодорожного транспорта в годы Великой Отечественной войны, когда поезда отправлялись без гудков.

Нужны ли большой силы гудки при маневровой и других работах паровозов на станциях?

Раньше, может быть, и были нужны. Но теперь существуют автоблокировка, автоматическая переводка стрелок, автосцепка, существует централизованное управление работой узла или станции, и, кроме того, многие точки на железнодорожных станциях радиофицированы и связаны телефоном.

Не подумайте, что я добиваюсь полного прекращения гудков и свистков на железной дороге. Нет, не об этом идет речь. В районе населенных пунктов сигналы должны быть более спокойными, а там, где уже отпала в них необходимость, не следует гудеть в силу «традиции».

Хочется думать, что работники Министерства путей сообщения внимательно отнесутся к вопросу, поднятому в этом письме.

Архитектор
Д. МАСЛЕННИКОВ

МОСКВА

◇ ◇

Автобраконьеры

Недавно мне пришлось на легковой автомашине, в одиночестве, поздно вечером возвращаться из-под Мценска в Москву. Километрах в ста от Тулы, в стороне от автомагистрали, я увидел свет фар. Судя по резким колебаниям лучей, машина шла без дороги, полем. Машина колесила—фары светили то в сторону автомагистрали, то от нее, то вбок. Появился свет третьей фары, очень сильный и подвижной, послышался выстрел, потом еще два. Стало ясно, что в полях орудуют «любители» запретной, азорной ночной охоты на русаков.

Охота развивает физически, закаляет, прививает навыки следопыта, сближает с природой; это — увлекательный и благородный вид спорта. И ничего общего с ним не имеет хищническое истребление с автомашины зайцев.

Охота — спорт смелых. Любители ночной «охоты» тоже издеваются над этим определением — не много нужно смелости, чтобы, сидя в машине, палить в слепнущего, обезумевшего от яркого света зайца!

Стрельба с автомобиля не может не возмущать каждого, кто любит охоту и природу, тем более, что занимаются такого рода «охотой» или собственники автомашин или люди, считающие возможным распоряжаться служебной машиной как им заблагорассудится. И еще одно обстоятельство делает особенно позорным этот вид браконьерства. Это обстоятельство — безнаказанность автобраконьеров.

Все это заставило меня остановиться и выключить мотор. Я насчитал уже с десяток выстрелов, и внутри у меня все кипело. Пришлось ждать часа полтора, пока колесившая по полям машина направилась в сторону магистрали. Я поехал ей наперерез и, когда водитель браконьерской машины, с трудом отыскав узкий выезд с полевой дороги, осторожно, на первой скорости выбирался на магистраль, я остановил свою машину непосредственно перед фарами машины браконьеров. Последняя была вынуждена остановиться. С карманным фонариком в руках я направился к ней. Это была «Победа»; ее водитель, чтобы лучше рассмотреть, с кем имеет дело, открыл дверь, и при свете вспыхнувшей в кузове «Победы» лампочки стало видно, что, кроме водителя, в машине находятся еще двое. «В чем дело, товарищ?» — не слишком смело спросил один из них, сидевший рядом с водителем, человек лет сорока, с бритым интеллигентным лицом, излишняя полнота коего показывала, что человек этот напрасно пренебрегает пешей охотой.

Раньше, чем ответить, мне хотелось заглянуть внутрь кузова машины, и я вплотную подошел к ее задней двери. Водитель захлопнул свою дверь, свет в кузове погас, пришлось воспользоваться фонариком. При его свете, направленном через стекло двери, я увидел то, что ожидал: самодельную переносную фару на ручке, двустволки в чехлах и даже битых зайцев на полу кабины. Значит, браконьеры наколотили их столько, что зайцы не поместились в багажнике «Победы».

— Дело в том, — рассмотрев все это, ответил я, — что вы занимаетесь истреблением зайцев с автомашины, что запрещено законом. Кто вы такие?

Последовало настороженное молчание.

— А вы инспектор облохоты?—спросил человек, сидевший рядом с водителем.

—Я рядовой член охотничьего общества.

В машине точно что-то взорвалось — раздались выкрики, ругательства. Оставалось узнать номер машины; я обошел вокруг нее и убедился, что номерной знак предусмотрительно снят.

«Победа» развернулась и ушла в темноту; преследовать ее, очевидно, не имело смысла.

Как будто, я оказался в дураках. Но, возможно, некоторый смысл все-таки был в моих, несколько опрометчивых действиях: мне не удалось узнать, кто были автобраконьеры, но они-то узнают себя, когда прочтут эти строки. А прочтя, может быть, и покраснеют. И еще один результат имела встреча на дороге: я написал это письмо в газету и, надеюсь, обратил внимание общественности на автобраконьерство.

Владимир МАТОВ

Про льва, терзающего свою жертву...

Рис. И. Семенова

К Армавиру тяготеют 15—20 крупных сельскохозяйственных районов Кубани и соседнего Ставрополья. Базары в Армавире обильные. Сюда съезжается множество подвод и автомашин с мукой, пшеницей, арбузами, клетками живой птицы... Из Армавира же везут на хутора, в станицы и аулы промышленные товары.

Не будем говорить, что армавирская индустрия и торговля в полной мере удовлетворяют запросы хуторян и станичников. Многие требования сельского потребителя еще удовлетворяются плохо, в частности требования на художественные изделия. А потребность в них неизмеримо возросла.

В хате, украшенной в дореволюционные времена лубочными картинками да этикетками от душистого мыла, теперь есть зеркала, стенные часы. Но колхозники хотят иметь картины на стенах, цветы, ковры, скульптурные украшения, рамочки для семейных фотографий.

Что же из предметов, украшающих быт людей, предлагает рынок?

На базаре в Армавире можно увидеть изумляющие своим безобразием и безвкусицей выставки гипсовых львов, кошек, петушков, зайцев, лебедей...

Вот кошка-копилка. У нее дугообразные тонкие брови, длинные ресницы, синие глаза, лихо закрученные усы, губы сердечком. Сама она яркоизумрудного или бронзового цвета. Лев отличается от кошки позолоченной гривой. Его лапы покоятся на плоскостном изображении окровавленной жертвы. Зайца нетрудно спутать с лебедем... Продавщица уверяет:

— Тут главная роль — цвет краски... А краска— попробуйте!

Она слюнявит палец и трет кошкины усы — не стираются.

Так попадают в колхозные хаты эти уродливые поделки.

По справке армавирского городского финансового отдела, регистрационные удостоверения «на право занятия разрешенным кустарным ремесленным промыслом» в нынешнем году были выданы пяти лицам. «Фисенко Б. И., проживающий по ул. Пугачева, 59, изготовляет игрушки из гипса — львов, кошек, петушков и домиков». «Журович А. Т., проживающий по ул. Майкопской, 88, изготовляет из гипса игрушки — петушков, кошек, львов, уток, зайцев и лебедей»... и т. д.

Что же требуется от человека, который своими «произведениями», так сказать, внедряет эстетические вкусы в массы?

Очень мало! Тот же армавирский Горфо поясняет: «Для получения удостоверения на право занятия кустарно-ремесленным промыслом необходимо иметь заявление, пошлинных марок на сумму 50 рублей, две фотокарточки и паспорт».

Вот и все!

Но кто же обязан следить за качеством художественной продукции, которую получают от кустарей потребители?

Органы Министерства культуры? Профсоюзные организации? Творческие организации художников?

Уже давно идет спор между этими организациями, кто из них должен следить за «художественной» продукцией рынков. А пока идет этот спор, рынки наводняют гипсовые львы, терзающие свои беззащитные жертвы.

М. МАЗАНОВ

АРМАВИР

„РАСПРАВЫ НЕ БЫЛО...“

Учительница Троицкой средней школы Раиса Ивановна Лунева прислала в редакцию письмо.

«У нас в Троицком,— писала она,— не только почти отсутствует культурно-просветительная работа, но и организационно-хозяйственная жизнь колхоза поставлена плохо. Я часто слышу, как односельчане возмущаются бесхозяйственной деятельностью руководителей сельсовета, отсутствием дисциплины, жалуются на то, что их обсчитывают, и на многое другое.

Спрашиваю, почему обо всех этих недостатках и даже преступлениях не говорится на колхозных собраниях? «Нельзя... Съедят!..» — обычный ответ на такой вопрос».

Учительница высказывала мнение, что районные организации иногда непродуманно назначают на руководящие должности работников, не пользующихся авторитетом у населения, не имеющих знаний и опыта. Она называла фамилии людей, которые не борются с недостатками, не терпят критики в свой адрес.

«Попробуй-ка кто-нибудь покритиковать председателя сельсовета Покидову за ее грубость, самовластие, недобросовестность, — приводила пример Лунева. — Уж она-то сумеет съесть!».

По просьбе редакции райком партии направил в Троицкое для проверки письма Р. Луневой инструктора. К каким выводам пришел он, ознакомившись с обстоятельствами дела на месте, видно из ответа Степного райкома партии.

«Факты в основном подтвердились, — писал секретарь райкома партии И. Моров. — За пьянку и грубое обращение с трудящимися осужден на партийном собрании секретарь территориальной партийной организации. За поверхностное руководство хозяйством наказан председатель колхоза... Приняты меры к улучшению работы сельсовета...»

Выводы серьезные. Значит, правдивый голос селькора-учительницы принес пользу.

И вдруг, более полугода спустя, пришло еще одно письмо.

«Никак не могла набраться смелости сообщить вам, — снова писала в редакцию Лунева. — Человек, попавший в беду, иногда выглядит назойливым просителем. Тем более, если у него произошел конфликт с начальством.

...Все началось с прошлогоднего письма. Расследование его вызвало целую бурю, в результате которой я осталась не у дел. Хочу спросить вас: что делать дальше? В школу я не вернусь теперь. Работать здесь больше негде, а выехать никуда нельзя с той репутацией, которую мне создали».

Что же случилось с Луневой? Неужели письмо в редакцию сыграло трагическую роль в судьбе учительницы? Но если так, откуда стала известна ее фамилия? Ведь закон строго охраняет неприкосновенность рабочих и сельских корреспондентов.

* * *

В воскресный день я приехала в Степной. В райкоме партии дежурил инструктор тов. Лысенко. Узнав, что причиной приезда послужило письмо сельского корреспондента, он поинтересовался:

— Наверное, от Луневой? Обстановка в Троицком, действительно, трудная. Слышал я, у Луневой что-то там происходит... Но точно не знаю. Поговорите на месте. Председатель сельсовета рассказывала...

Я встретилась с Луневой — невысокой худощавой женщиной тридцати трех лет. Она заговорила о себе: вспомнила свои ошибки, рассказала обо всех неудачах, постигших ее в жизни, о своей любви к школе.

— Восемь лет назад, работая впервые завучем, допустила нарушение педагогических правил. На другой год снова была ошибка,—рассказывала она, время от времени прикладывая ладонь к голове.—Да еще — отец у меня был псаломщиком.

— Разве это имеет отношение к вашему увольнению?

— Все это выдвигалось в качестве обвинений против меня.

И Лунева рассказала... Лишь только уехал из Троицкого инструктор райкома партии Богословский (он-то и разгласил фамилию автора письма), сразу, как из рога изобилия, посыпались на нее обвинения. В школе, где работала Лунева, неожиданно возник конфликт. На одном из совещаний заведующий учебной частью Ермолин в ответ на какую-то реплику Луневой иронически заметил: «Вы лучше помолчите или напишите об этом в газету...»

— А разве в газету писать нельзя? — спросила Лунева директора школы Костина.

— Писать можно куда угодно, но вы оскорбили завуча. Говорят, вы назвали его пьяницей. Придется разбирать конфликт...

Так было создано основанное, по существу, на слухах конфликтное дело.

Уже позднее, в разговоре с учителями, с колхозниками и с самим директором школы В. Костиным, ясно определилась картина расправы за критику, где точно были подобраны все «ключи» к Луневой.

Человеческие слабости учительницы, отдельные ее промахи были раздуты и использованы для сведения счетов.

— Лунева — сильный преподаватель. Литературу знает хорошо, умеет зажечь учеников. Ученики ее любят. А с товарищами по работе иной раз ссорится. Неуживчива, — сказала о Луневой заведующая РОНО тов. Доскина.

Неуживчивый человек! Говорит правду в лицо. Иногда бестактна. И учителя, собравшись на разбор конфликта, ожидали серьезного разговора о недостатках Луневой. Но случилось иначе...

Директор школы Костин пригласил на педсовет всех тех, о ком шла речь в письме Луневой, хотя многие из них и не имели отношения к педагогическим делам. И это, конечно, определило ход обсуждения.

— Зачем вы это сделали? — спросила я Костина.

Ответил он наивно:

— Хотел уяснить, что представляет Лунева с общественной точки зрения. Вы не подумайте, что я сделал это потому, что являюсь заместителем Покидовой, — поспешно добавил он.

Что же выяснилось на педсовете? Когда начался разговор о взаимоотношениях учителей, поднялась председатель сельсовета Покидова и начала кричать. В грубой форме она обвиняла Луневу, вспомнила все сплетни, которые слышала об учительнице, и, в конце концов, потребовала освобождения ее от работы, как... социально опасного человека.

— Отдать под суд за клевету на руководство! — поддержал Покидову учитель Жаворонкин (и его имя было упомянуто в письме Луневой!).

Большинством голосов было принято решение: уволить Луневу с работы.

— Расправы не было, — говорил директор школы членам комиссии, приезжавшим из Ставропольского крайоно разбирать жалобу Луневой на несправедливое решение педсовета. Члены комиссии разобрались, увидели, что ничего серьезного в конфликте нет, и пытались примирить повздоривших учителей. Но едва они выехали за окраину Троицкого, как Костин послал в Ставрополь депешу: «Просим как можно скорее освободить Раису Ивановну Луневу от работы в школе». И Лунева была освобождена по «личному желанию». Затем ее отстранили от работы агитатором.

«Расправы не было», — говорит и сейчас директор школы Костин. Но мне вспомнился короткий разговор с инструктором райкома партии Лысенко: «Никаких особенных фактов о Луневой в райкоме не имеется, но все же поговорите с председателем сельсовета...»

* * *

Я говорила с тов. Покидовой. Этот разговор заслуживает того, чтобы его привести здесь.

— Вы спрашиваете, знаю ли я Луневу? — сказала Покидова.— Есть здесь такая. Нигде не работает. Пользы не приносит. Не знаем, какой образ жизни ведет.

— Но она говорила мне, что хочет работать, приносить пользу. У нее и знания есть, в районном центре мне рассказывали, что она делала интересные доклады.

— Мы ей не доверяем. Не знаю, каким-то образом пролезла в агитаторы. Она в политике ничего не понимает, хотя начиталась разных книжек. Учителем работать не могла, и с работы ее вышибли. За что? За то, что не справлялась... А потом начала писать: помогите, помогите. Стоит ли такому человеку помогать, интересоваться им? Я лично ею не интересуюсь, — вдруг раздражается Покидова. — Зачем она мне нужна? Негодный человек!

— Но ведь то, что писала Лунева,— правда? Об этом сообщил редакции секретарь райкома партии. Я убедилась в этом сама, побывав в клубе, в школе, в правлении колхоза и в бригадах...

— А что она писала? — еще больше раздражается Покидова. — Мы и сами знаем, что у нас света и радио нет.

— В наказе избирателей шла речь о постройке мостов, колодцев, ремонте дорог. Как выполнен наказ? Что сделано для улучшения работы клуба, больницы, библиотеки, детских яслей? Почему до сих пор плохо работает сельпо?

— Да что вы, контролировать меня, что ли, приехали? Допишется эта Раиса Ивановна, что ее отсюда вышибут с треском,— уже не стесняясь, кричит Покидова.

— Почему вы не явились ко мне, когда приехали? Я здесь власть, мне и должны верить. А вы говорили с людьми. На каком основании говорили? С кем говорили? О чем? Они что угодно могут наболтать!..

Теперь, после разговора с Покидовой, я совершенно твердо убеждена — увольнение Луневой, этого способного педагога со сложным, нелегким характером, было вызвано именно ее письмом, тем, что она, помимо обязанностей учителя, взяла на себя еще и почетные обязанности селькора.

Разговор с Покидовой показал, как глубоко запущена в Троицком воспитательная работа с людьми. Покидова — член партии. Понимает ли она, что в ее отношении к людям, к критике нет ничего коммунистического?

* * *

На постаменте бюста Сергея Мироновича Кирова, что установлен возле дома, в котором размещаются все районные учреждения Степного, выгравированы его пламенные слова:

«Если ты хочешь быть живым коммунистическим борцом — ты должен со всей большевистской яростью ополчиться против всех недостатков, которые тормозят наше строительство. Киров».

Дело учительницы Луневой показывает, что эти слова кое-кто в Степном позабыл.

В. ШАПОШНИКОВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

СТЕПНОЙ,
Ставропольского края

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ЧЕЛОВЕКУ ПОНАДОБИЛИСЬ ОЧКИ...»

Под таким заголовком 10 октября в «Литературной газете» была опубликована статья М. Белкиной, содержащая критику Главного управления медицинской промышленности за невнимание к требованиям советских людей, нуждающихся в очках. Несколько раньше на эту же тему в газете было напечатано письмо А. Былинова «Проблема» очков».

Редакция получила ответ заместителя начальника Главмедпрома тов. А. Игошина, который признает критику справедливой. Он сообщает, что в 1954 году будут выпущены в продажу 11.300 тысяч очковых линз и 6 миллионов оправ. В плане производства предусмотрен также выпуск линз высокой диоптрийности. В ближайшее время технический комитет Ученого совета Министерства здравоохранения СССР рекомендует образцы новых оправ.

В 1954 году вдвое увеличивается также выпуск специальных очков для защиты глаз рабочих на производстве.

«ЕЩЕ РАЗ О ТЕННИСЕ»

В номере «Литературной газеты» от 22 августа в статье «Еще раз о теннисе» был поднят вопрос о необходимости преодолеть отставание этого вида спорта. В статье указывалось, что наряду с расширением сети кортов и популяризацией тенниса среди молодежи необходимо чаще устраивать встречи наших теннисистов с сильнейшими зарубежными теннисистами. Это предложение поддержано Главным управлением по физической культуре и спорту Министерства здравоохранения СССР.

В ноябре будет созвано совещание, которое должно наметить меры, способствующие дальнейшему росту мастерства наших теннисистов.

«ПОГОВОРИМ О ТРЕНЕРЕ»

Заместитель начальника Главного управления по физической культуре и спорту К. Крупин сообщает, что опубликованная в «Литературной газете» 4 августа заметка «Поговорим о тренере» правильно вскрывает недостатки в работе с тренерскими кадрами. В настоящее время пересматривается положение о тренере, а в 1954 году предполагается проведение переаттестации тренерского состава. Рассматривается вопрос о повышении квалификации тренеров.

«ВОЛЕЙБОЛИСТЫ ДОЛЖНЫ ИГРАТЬ ЛУЧШЕ»

10 сентября «Литературная газета» опубликовала статью заслуженного мастера спорта А. Чудиной «Волейболисты должны играть лучше».

В своем ответе начальник Управления спортивных игр Б. Мякиньков, признавая справедливой критику А. Чудиной, отмечает факт снижения уровня игры сборных команд СССР. «Управление спортивных игр, — пишет он, — признает, что в текущем году контроль и оказание помощи по развитию массового волейбола и улучшению качества постановки учебно-тренировочной работы в волейбольных командах проводились неудовлетворительно». Управлением принимаются меры по улучшению положения в волейболе.

Выступление А. Чудиной полностью поддержано и тренерским советом Московской секции волейбола.

«ПОЛЗУЧИЙ ЛАСТИК»

Так называлось опубликованное 22 сентября 1953 года письмо В. Бычковой, в котором шла речь о том, что вторая ситценабивная фабрика Главмосхлоппрома в гор. Серпухове выпустила черный ластик, расползающийся при малейшем натягивании.

В своем ответе дирекция фабрики объясняет непрочность ластика тем, что для окраски материала был применен малоизученный краситель, который, как теперь установлено, мог оказать вредное действие на прочность ткани. Поставлен вопрос перед научно-исследовательскими организациями об изыскании способа улучшения качества красителя.

Производство ластика артикул 152 фабрикой прекращено.

Человек на своем месте

Совещание колхозного актива в райисполкоме по итогам года подходило к концу, когда в президиум из зала передали записку. Просил слова (только непременно!) недавно назначенный в Ново-Георгиевск библиотекарь. Председатель объявил, что слово имеет Анастасия Федоровна Бондаренко.

Невысокая полная женщина лет тридцати, смущенно улыбаясь, поднялась на трибуну.

— Вы тут о хозяйстве,— неуверенно начала она,— а вот о книгах никто не сказал.— Сколько и что прочитали за год, чему научились? Многие ли из вас постоянно берут книги в библиотеке?

И уже оправившись от смущения, с жаром заговорила Анастасия Федоровна о новых поступивших в библиотеку книгах, о книгах-друзьях, о книгах-учителях.

Случилось это четыре года назад, вскоре после того, как Бондаренко вернулась в район. Но и сейчас, съедутся ли учителя на августовские совещания, соберется ли колхозный или партийный актив, она уже спешит рассказать о поступивших новинках, о возможности здесь же, в районе, получить любую нужную книгу. Немало новых читателей приобретает Анастасия Федоровна после каждого такого выступления. За четыре года число читателей в районной библиотеке выросло в пять, а если считать с передвижкой, то в семь раз.

Вечерами полно народа в уютном, хотя и тесноватом читальном зале. Вот и сегодня десятиклассник Анатолий Адобаш присел у окна, старательно срисовывая из журнала схему радиоприемника. На диване токарь-рационализатор из МТС Константин Коссов штудирует курс высшей математики. А рядом его однофамилец пожилой бухгалтер Петр Иванович Коссов — любитель-цветовод—листает журнал «Сад и огород».

Для каждого читателя у Анастасии Федоровны есть свое слово, свой подарок. Здесь заведен строгий порядок: требование читателя на литературу должно быть непременно удовлетворено. Кто-то из врачей районной больницы поинтересовался журналом «Новости медицины», и библиотека тотчас выписала его. Пустили весной Ново-Георгиевскую электростанцию, и в помощь ее работникам в библиотеке появился специальный журнал. Предложение подписаться на «Вопросы экономики» и «Вопросы философии» Анастасия Федоровна получила от многочисленных учащихся. В районе их (не считая школьников) ни мало ни много шесть с половиной тысяч человек.

Ежедневно почта доставляет в адрес районной библиотеки посылки и бандероли из разных городов. В основном это учебники и книги для заочников. Контролеру сберкассы Ивану Лебедю, заочнику техникума, пришли учебники по географии и физике. А вот пакет из областной библиотеки с учебниками по химии для вуза. Завтра за ним из Крыловского лесничества приедет заочник сельскохозяйственного института лесничий Кулинич.

Но просто выполнять заказы читателя— это не значит еще удовлетворить все его нужды. Как-то утром, незадолго до открытия библиотеки, мне довелось услышать разговор Анастасии Федоровны с ее помощницей, молодой выпускницей библиотечного техникума Верой Александровной.

— Знаете, Верочка,— говорила Бондаренко,— нужно добиться, чтобы читатель верил нам с вами так же, как, скажем, больной верит врачу. Чтобы верил: раз библиотекарь рекомендует книгу, значит это самая нужная, самая интересная книга. А для этого надо хорошо знать каждого человека, чья читательская карточка хранится на нашем столе. И не в лицо только знать, но знать его жизнь, интересы, душу его. Почаще беседуйте, Вера, с читателем, больше расспрашивайте его, будьте психологом и воспитателем.

И воспитателем...

Один пример. Несколько лет на всех читательских конференциях живо и содержательно выступали девочки-старшеклассницы Тамила Волкова и Людмила Францина. Сюда же, в библиотеку, весной пришли они посоветоваться, какую избрать профессию, куда поехать учиться. Хорошо зная склонности и способности девушек, Анастасия Федоровна и Вера Александровна дали им полезные советы. Студентка Киевского университета и студентка Одесского педагогического института и ныне остаются друзьями родной сельской библиотеки.

Вся культурная жизнь районного центра отражается в деятельности библиотеки. Зададут ли старшеклассникам домашнее сочинение по литературе, готовит ли врач лекцию или собираются учителя, чтобы обсудить проблемы воспитания, — библиотека спешит подготовить обстоятельные библиографические справки. В специальной подборке литературы нуждается и драматический кружок Дома культуры, готовящий новую пьесу, и агроном-опытник из МТС. Более пятисот таких справок выдала библиотека за последние месяцы.

Сейчас среди читателей усилился интерес к научной и популярной сельскохозяйственной литературе. Подборку специальных книг потребовали механизаторы.

* * *

К библиотечной стойке подходит девушка.

— Дайте мне что-нибудь по дидактике,— просит она.

Термин этот хорошо знаком Анастасии Федоровне. Только что вернулась она из Харькова с очередной экзаменационной сессии Библиотечного института. Как раз сдавала педагогику. А в узком проходе между стеллажами ее нагоняет Вера Александровна. Шопотом справляется: что это такое... дидактика?

— Учиться, непрерывно учиться должны мы, библиотекари,— говорит Анастасия Федоровна.— Иначе не поспеем за народом, отстанем.

Десятки самых неожиданных письменных и устных вопросов задают читатели. Люди идут в библиотеку с просьбой разъяснить непонятное слово, узнать, где находится населенный пункт, упомянутый в последних известиях по радио, просят объяснить суть политических событий, познакомить с новыми достижениями в науке. Чтобы удовлетворить эти непрерывно растущие потребности сельского населения, библиотекарь должен быть широко образованным человеком.

— А между тем,— рассказывает Анастасия Федоровна,— у нас в районе в шестидесяти колхозных, сельских, профсоюзных и клубных библиотеках только четыре библиотекаря имеют законченное среднее образование.

За последнее время, правда, все больше библиотечных работников из района поступает на заочное отделение техникума. Но многие специалисты — выпускники техникума, ежегодно присылаемые в район, используются здесь не по назначению.

Созданием постоянных, хорошо подготовленных библиотечных кадров никто пока еще в районе не занимается. Нельзя не согласиться с Анастасией Федоровной, которая с горечью заметила по этому поводу:

— Трижды слушали вопрос о библиотеках в райкоме КПСС и райисполкоме за прошедший год, и все же не стоит еще у нас звание сельского библиотекаря так же высоко, как звание учителя и врача.

Дважды в месяц направляется Анастасия Федоровна за много километров в Кировоград, в областной библиотечный коллектор, подобрать книжные новинки. Но подобрать—это еще не значит получить литературу. Вернувшись в район, библиотекарь должен перевести через Книготорг деньги в коллектор. Но тут-то и начинается волокита: деньги Книготорг задерживает у себя месяцами, коллектор, не получая денег, не высылает в район заказанной литературы. Новинки, которых с таким волнением ждет читатель, оседают на складах. А когда долгожданные посылки с выкупленными книгами наконец попадают в район, выясняется, что доброй половины заказанной литературы в них нет.

Но ведь читателю нет дела, почему в библиотеке нет нового издания «Молодой гвардии» и других интересных книг! А между тем книги эти есть, были в продаже в сельском книжном магазине. Анастасия Федоровна оказывается перед дилеммой: с одной стороны, правило, запрещающее библиотеке покупать художественную литературу в открытой продаже (можно приобретать лишь специальную и политическую литературу), а с другой — читатель, удовлетворение запросов которого для библиотеки — закон. Отобрала недавно Анастасия Федоровна в магазине для библиотеки кипу книг: тут и сельскохозяйственные и научно-популярные, и, конечно, художественные. А в магазин как раз заходит работник банка, ведающий библиотечными кредитами.

— Так вот вы какую литературу покупаете? Ну хорошо же...

Пришлось библиотекарю покривить душой, пообещать: никогда, дескать, не будем покупать книг. А как можно не покупать, если по-настоящему дорожишь интересами читателя? Все это могло бы не случиться, если бы подлинной любовью к читателю была проникнута работа не только библиотеки, но и областного коллектора.

* * *

О себе Анастасия Федоровна рассказывать не любит. Да и что рассказывать, когда вся округа знает ее чуть ли не с рождения. Здесь она родилась, здесь училась в средней школе, а потом в Кременчуге в библиотечном техникуме. Отсюда же в первые дни войны ушла добровольно на фронт. Даже первое тяжелое ранение получила неподалеку от родных мест. Всю войну скучала она по книгам, а когда вернулась в Ново-Георгиевск, заявила в райкоме: иду в библиотеку. Пытались ее назначить на другие посты. Уговаривали— там и ставка выше,— не пошла. Сердились — отказалась. Пришлось вмешаться секретарю райкома Михаилу Ивановичу Ричке. Целый час беседовал он с Анастасией Федоровной. А после, как говорят, сказал своему помощнику (слова эти от многих можно услышать в районе и сейчас):

— Бондаренко—ч е л о в е к н а с в о е м м е с т е.

Марк ПОПОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

НОВО-ГЕОРГИЕВСК,
Кировоградской области, УССР.

ГОД ИСПЫТАНИЙ

З. ПАПЕРНЫЙ

Если бы роман «Времена года»* появился в печати без подписи, читатель все равно безошибочно угадал бы автора—Веру Панову. Ее талант может нравиться или нет, но его нельзя спутать с другими. Уже в романе «Спутники» проявились характерные черты В. Пановой — ее человечность, внимание и любовь к рядовому человеку, к его будничной, обыденной на первый взгляд, но глубоко драматичной жизни. Перевязочная сестра Юлия Дмитриевна, с красным лицом, горбоносая и подслеповатая, или начальник поезда с его смешными ботиночками и штатскими брючками имеют вид далеко не героический. Но эти неприметные, порой даже неприглядные, казалось бы, люди и есть настоящие герои. Внимание к жизни простого человека, скромно и повседневно делающего большое дело, сочетается у В. Пановой с настойчивым и беспокойным стремлением раскрыть человеческую судьбу во всей ее сложности, не скрадывая трудностей, не сглаживая горестей и бед. Вот почему в «Спутниках», этой книге, овеянной мужеством, немало и грустного.

В. Панова иногда предпочитает даже показаться жестокой по отношению к герою, но только не облегчать ему жизнь вопреки правде действительности. Конечно, многим читавшим ее романы хотелось, чтобы Супругов перестал быть обывателем и полюбил Юлию Дмитриевну светлой любовью, чтобы учительница, «наставница» Фаина, соединила свою жизнь с Даниловым и чтоб герой другого произведения В. Пановой—«Ясный берег»—Коростелев ответил на пылкое чувство доярки Нюши. Но автор не любит стандартных «благополучных» концов, украшающих книгу, как виньетки, и часто оставляет героя с так и неустроенной личной судьбой.

Манера повествования В. Пановой отличается сдержанностью — писательница сознательно и последовательно избегает развернутых авторских характеристик, разъяснительных реплик-подсказок читателю. Не найдешь в ее книгах формулировок, которые сами просились бы для цитаты в рецензию и просто, коротко, удобно формулировали идею. Такая манера во многом сходна с самим обликом героев В. Пановой, людей, которые часто предпочитают выразительное молчание декламации, немногословное изречение —затяжным тирадам.

Читая новый роман Веры Пановой, убеждаешься, что автор остался верен себе, своей творческой манере.

Веселой, шумной и многолюдной предпраздничной суетой — как бы не опоздать к Новому году! — начинается роман. Сверкают и переливаются огнями блестящие шарики, игрушки, золотой дождь. Кончается роман снова новогодней встречей, снова в витринах блестящие шарики и хлопушки, а на площадях «продают елки, пахнущие лесом и детством».

Год жизни, от одного праздника до другого, и составляет содержание книги «Времена года». Действие происходит в городе Энске. Книга рассказывает и о судьбе самого города, о его росте, и о судьбах разных людей, жителей и строителей города. На первом плане — две семьи: Дорофеи Куприяновой и Степана Борташевича.

У Дорофеи — трудная и непростая судьба. Темная деревенская девушка, тихое село Сараны, скука, тоска по жизни и вдруг — революция, начало жизни, пробуждение, любовь, ученье, работа. И распахиваются горизонты. Вместо прежних слов и оборотов: «То-то и выросла прынцессой»,— другая речь, другие слова, сначала не свои, заемные, а потом уже совсем свои, родные: «...рабочий класс еще неважно живет. Обещают, однако,—будем жить очень хорошо. Советская власть Антанту одолела, одолеет и это». Дорофея уже работает на фабрике, потом на заводе,— и сколько людей, названных и не названных, ободряют ее, учат жить, помогают подняться выше. «Ее выдвигали, ее шлифовали неустанно и терпеливо, как драгоценный камень».

И когда нам сообщается, что депутат Куприянова стала одним из руководителей города, мы внутренне верим в это, потому что уже успели узнать Дорофею. К ней приходит анонимное письмо: «Сигнализирую, что в женском общежитии химического завода наряду с женщинами живут мужчины, мотивируя тем, что они мужья, что является вопиющим нарушением...» (отметим попутно, что уже из этих нескольких слов возникает образ автора письма, человека, видимо, раздраженного, несчастного и ханжески-придирчивого, даже склочного). Дорофея идет в женское общежитие, находит «незаконного» мужчину — он ужинает вместе с женой в углу, огороженном ширмой. И здесь автору не приходится убеждать нас, что, мол, Дорофея сама вышла из народа и чутко относится к нуждам трудящихся. Не приходится потому, что мы хорошо помним трудную жизнь ее с мужем в железнодорожном вагончике, помним, как она дорожила этим, пусть плохим, но своим уголком, как ходила стирать и мыть полы и спецовы жены говорили ей: «Под кроватью хорошенько, Дуся». И мы знаем,—став руководителем, она не забудет за всеми большими делами, что такое человеческая беда, нужда, лишения, неудобства, и захочет помочь человеку.

У нее самой трудности и беды не только позади. Много перенеся лишений в детстве и юности, она особенно оберегает своего сына Геню. Растила его, лелеяла, заслоняла от всяких неприятностей, не научила любви к труду и не заметила, как появился у него страшный грибок равнодушия. Бунтует сестра Гени Юлька—не желает жить в одном доме с бездельником и эгоистом. Плачет бывшая жена Гени Лариса, которую обманула его холодная и недобрая красота. Он уже совсем запутался, затянули его в грязное дело, требуют соучастия, угрожают. Но, видно, не все еще умерло в этой зачерствевшей, себялюбивой душе,—он бежит «домой, под кров, который единственный мог его укрыть, вразумить, спасти. К сильным заботливым рукам, которые он оттолкнул. Туда, где немыслимы ни обиды, ни счеты, ни ссоры,— о, как он это понял!.. «Мать, помоги, сними петлю... Мать, что я наделал со своей жизнью...»

А рядом — другая семья, другая жизнь. Доброе лицо пожилого человека, расположенного к людям, осанистая фигура, благородная голова с седыми висками — Степан Борташевич. Когда на бюро горкома исключали из партии проворовавшегося Редьковского, хорошо сказал тогда Борташевич, что Редьковский, развращая людей, толкая на путь обмана, жульничества, морально обворовывал общество. И вот Редьковский, разоблаченный, выходит из зала торопливой, спотыкающейся походкой. Никто не смотрит ему вслед, только Борташевич на мгновенье оглянулся... Только он один.

Сначала мы не обращаем на это внимания, но вдруг нам начинает казаться, что осанистая фигура, седые виски, доброе лицо—все это не настоящее, поддельное. И потом мы уже видим: душа у этого человека, управляющего трестом, с двойным дном. У него своя, подспудная жизнь.

Борташевич действует не в одиночку, у него есть сообщники. Ему помогают жена, Цыцаркин, прожженный жулик с изысканными манерами, хапуга с наманикюренными пальцами. От Борташевича тянется ниточка и к Гене, которого пытался затянуть в грязное дело Цыцаркин. Перед нами—не просто «призраки прошлого», не бесплотные тени. Эти призраки хотят жить со всеми удобствами, жить не работая, жить за счет общества и в ущерб обществу. Они ничем не мечены, и по виду никакие они не призраки, а самые обыкновенные люди. Борташевича знали, уважали его боевое прошлое, ценили, любили его, одобрительно кивали ему, когда он выступал, называли своим, нашим человеком. Тем страшней этот «наш человек».

В. Панова стремится проследить путь Борташевича, найти тот момент, когда он, рабочий человек, вышедший, как и Дорофея, из трудовой среды, «парень простой, без буржуйских замашек», вдруг потянулся к «изящной» жизни, к нэпманскому шику, к парфюмерной красоте, к беспечному существованию. Стихия мещанства и стяжательства обступает его. С большой силой и прямотой, без всякой утайки и смягчения, показана в романе эта страшная стихия. Рисуя историю падения Борташевича, В. Панова утверждает мысль о том, что отойти от законов советской жизни — значит уйти от человечности, уйти от самой жизни. И она рисует людей, которые никакой иной, кроме советской, жизни не хотят, не примут. Такими предстают перед нами дети Борташевича — Сережа и Катя. Автор открывает нам несколько страниц сережиного дневника, и мы сами не замечаем, в какой момент он становится нам понятным, близким, дорогим, этот странный, впечатлительный мальчик, хромой, перенесший тяжелую болезнь. Беззащитный, уязвленный своим увечьем, он несколько обособлен от своих сверстников, есть в нем какая-то болезненная настороженность, склонность все подвергать сомнению. Но главное — не в этом. Главное, что открывается нам в его дневнике,— мальчик дышит воздухом нашего общества, чистым и целительным.

Разоблачение и самоубийство отца потрясают его. Но именно в этот самый тяжкий момент он находит в себе мужественную готовность все пережить до конца. И тут мы видим, какую силу дала ему наша жизнь, школа, товарищи, самая атмосфера, которая окружала его и не позволила задохнуться в минуты несчастья. Сестра его Катя решает начать новую, самостоятельную жизнь, бросает институт, поступает в бригаду монтажников Саши Любимова, который глядит на нее с тайным и жарким восхищением.

Однако в какой-то момент писательнице, очевидно, показалось, что она взвалила слишком большой груз на плечи своих героев. И она спешит к ним на выручку, изменяет собственным правилам, и к концу книги, ко второй новогодней встрече, все завершается благополучно. Катя выходит замуж за Войнаровского — того самого, который разоблачил ее отца, — выходит неожиданно для себя, для него, для читателя, проявляя малодушное послушание авторской воле.

Когда мы думаем о героях В. Пановой, мы прежде всего ясно и зримо представляем каждого, его облик и образ. Это поистине действующие **лица**. Но вот у капитана Войнаровского нет лица. Вернее, у него много «лиц». Он предстает перед нами каждый раз в новом виде: велюровую шляпу сменяет фуражка капитана МВД, которая уступает место кепочке, и т. д. Но все эти обличия не связываются в образ.

А что же Саша, милый, скромный, безмолвно преданный Саша, для которого Катя стала всем—судьбой, любовью, жизнью? Он страдает, но в последних строках романа, желая счастья героям, В. Панова пишет: «Чокнемся за новое счастье Саши (мы же знаем, что горе его не надолго, что впереди у него много счастья!)». Тонкими красками описана в романе грустная история сашиной любви, и не нужно зачеркивать ее поспешно-оптимистическими словами.

Грустное чувство, которое примешивается к нашим мыслям о Саше, связано еще и с тем, что нам немного обидно за него. Не потому, что Катя так и не полюбила его. Расставаясь с ним, думаешь, что не только Катя, но и сама писательница не увидела в Саше чего-то важного. Этот чистый, честный, обаятельный юноша как будто... моложе своих лет. Ведь он уже работает на строительстве, вступил в самостоятельную жизнь, он уже не мальчик, а писательница все еще смотрит на него, как на ребенка; так иногда матери не замечают роста своих детей.

Читая книгу, мы не раз испытываем чувство художественной радости, чувствуем, как растет писательское мастерство В. Пановой, крепнет ее художественная манера. Особенно заметно проявляется в романе «Времена года» умение автора очертить облик и характер героя, не «уговаривая» читателя в том, что перед ним очень хороший или очень плохой человек.

Уже в самой речи героя проступают черты его характера. Безоговорочно-повелительные фразы Юльки («Я категорически отказываюсь говорить несерьезно!»), сосредоточенно раздумчивая речь Сережи («Я думаю, что женщина может, в принципе, полюбить человека с физическим недостатком...»), витиевато-скользкие словеса Цыцаркина («Ясность — альфа и омега деловых взаимоотношений»), всегда обиженный, раздраженный тон Геннадия («Товарищи... Каждый думает — как бы выдвинуться»), — все это написано так, что не требует комментариев.

Авторская речь В. Пановой отличается гибкостью и многообразием, в нее все время врываются знакомые интонации, обороты героев. Сам герой как будто молчит, но мы слышим его голос в авторской речи. Дорофея, деревенская девушка, приходит после тяжелой болезни на могилу к матери: «Ей вдруг захотелось сию минуту куда-то бежать, объявить всем людям, что она живая-здоровая, что ей чего-то нужно,— чего она не знает; может, люди скажут... Она загрустила и задумалась, опершись на заступ. Могила лежала у ее ног. Деревянные кресты, прошлогодняя бурая трава. Ничего-то они не видели, те, что лежат под крестами. Прощайте, **мама**, бедная вы моя...»

Героиня задумалась, грустит, и мы как будто **слышим** ее мысли. И, конечно, такие обороты — «объявить людям, что она живая-здоровая» (а не «жива-здорова»), принадлежат ей, Дорофее, хотя формально высказывает их автор, а не она.

Мы не найдем у В. Пановой подробных портретов с авторским описанием наружности героя, даже пейзажа, если он не возникает с необходимостью для характеристики персонажа, его состояния, настроения. Когда вдруг в картине города проступает все некрасивое: «промокший октябрьский серый день», «скучная железнодорожная картина», «грязные дворы», — это не просто пейзаж, здесь описан приезд Геннадия с его невеселой, неприкаянной душой.

При всей сдержанности манеры, при всем авторском «самоограничении» читатель стремится уловить пусть не прямо выраженное, но ощутимое отношение В. Пановой к герою. Запутавшийся Геня прибежал к порогу родного дома. А вот, спасаясь от разоблачения, к дому идет Борташевич. Об этом сказано совсем другими словами: «Он уполвал в свое логово. Медленно прошел через переднюю, и разноцветные стекла фрамуги в последний раз окрасили его лицо бледными желтыми, фиолетовыми и красными светами». Здесь уже повествование не окрашено интонацией героя, автор встает над ним и судит его. «Он уползал в свое логово»,—можно ли откровеннее определить отношение к герою, переставшему быть человеком? И как последний удар: лицо, на котором все краски, кроме одного цвета — живого, естественного, человеческого...

В первом романе В. Пановой «Спутники» есть такая сцена. Комиссар Данилов отбирает людей для санпоезда. Внимательно вглядывается в лицо каждого, словно в душу хочет заглянуть. Сразу видит: Лена Огородникова, девушка с мальчишеским лицом, не подведет, а врач Супругов с тревожно бегающими глазками («Можем мы попасть в переплет, как вы думаете?») первой же фразой вызывает у Данилова тяжелое чувство недоверия. Вот так же вглядывается в лицо и в душу героя В. Панова: Что ты за человек? Ценность твоя какая? Годишься ли в спутники на долгую и трудную дорогу?

Роман «Времена года» не просто изображает обыкновенный, будничный год жизни героев. При всей этой будничности серьезные, крутые перемены произошли в жизни каждого. Это был **год испытаний.** Кризисным и спасительным был этот год для Сережи. У Гени после долгих блужданий как будто забрезжил впереди свет, он начинает понимать, что, живя только для себя, человек перестает жить. Лучшие люди романа выходят из перенесенных испытаний более сильными, становятся опытней и человечней. Потрясения не разбивают их. Так проявляется внутренняя ценность человека. Один живет большой жизнью, работой, связанной с общим делом, другой живет самим собой. Еще до того, как Борташевич вступил на путь хищений, он уже стал морально ничтожным. Если Дорофея смотрела в жизнь, как в широко распахнутое окно, то он **смотрелся в жизнь, как в зеркало, и не видел ничего, кроме себя.**

Интересна фигура директора завода Акиндинова, во многом похожего на Листопада. В. Панова смотрит на него куда более требовательным и проницательным взглядом, чем на Листопада, у которого за широтой и размахом скрывалось стремление во все вмешиваться самому, даже подавлять других своей волей. И это важно, характерно для нового романа, где сильнее, чем это было в «Кружилихе» и «Ясном береге», звучит тема моральной требовательности к герою, желание испытать его до конца, узнать его подлинную ценность. Однако сюжетная линия Акиндинова, его споры с председателем исполкома о том, как и где дальше строиться городу, слабо связана с общим развитием действия. Некоторые прежние произведения В. Пановой строились отчасти, как ряд психологических портретов, образов людей, которые заняты общим делом, но все-таки недостаточно крепко связаны между собой в произведении. В книге «Времена года» автор стремится крепче объединить героев, стянуть повествование в один сюжетный узел. Чем дальше мы читаем книгу, тем больше пересекаются судьбы разных людей.

И все же некоторые судьбы, сюжетные линии романа даны как-то обособленно.

Видимо, не случайно сопоставлены в книге две семьи. Наверное, каждый читатель задумается: отчего же в семье Куприяновых, честной и трудолюбивой, вырос чужой человек, а у чужого, чуждого нам Борташевича — такие чистые и обаятельные дети? В чем здесь дело? Что испортило сына Дорофеи? Одна ли материнская сверхдоброта, инстинктивное ее стремление заслонить сына от всяких неприятностей?

В. Панова — мастер со своим видением жизни и со своим писательским почерком. Именно поэтому необходимо мерить эту книгу высокой мерой. Хочется сказать и о том, что в книге не получило еще подлинно художественного решения. Речь идет не только о неудаче отдельных образов, о том, что, скажем, образ Войнаровского так и остается нераскрытым. Ведь образ этот призван играть важную роль. Войнаровский — один из советских людей, непримиримых ко всему чуждому нам. Он активно участвует в разоблачении Борташевича. И безликость этого образа ослабляет всю развязку романа. Точно так же композиционная нестройность произведения, обособленность некоторых сюжетных линий — немаловажный недостаток. Он затрудняет постижение общего замысла романа, его главной, движущей идеи. Вот почему, радуясь творческому росту В. Пановой, мысленно желаешь ей не считать свою работу законченной и взглянуть на свой труд таким же внимательным и придирчивым взглядом, каким всматривался в своих спутников комиссар Данилов, отправляясь в долгую и трудную дорогу.

---

* **В. Панова. «Времена года». Роман. «Ленинградский альманах». Книга 5. 1953.**

З. КЕДРИНА

ОБРАЗ ПИСАТЕЛЯ

Книга Е. Суркова о творчестве К. А. Тренева* относится к тем немногим еще работам, которые посвящены конкретному анализу творчества крупнейших советских писателей.

Идейно-творческий портрет Тренева, который рисует Е. Сурков, дан в тесной связи с развитием русского общества. Автор прослеживает развитие Тренева — художника и журналиста — с первого его рассказа, опубликованного в 1898 году, до последних работ, оборванных смертью.

Лучшие главы книги, посвященные разбору «Пугачевщины» и «Любови Яровой», обязаны своими достоинствами единству критического метода автора. Именно оно придает анализу «Пугачевщины» убедительность и научную объективность. Сурово критикуя недостатки пьесы, Е. Сурков отчетливо видит ее, однако, в своем времени, что и позволяет ему полным голосом сказать о прогрессивном, новаторском значении «Пугачевщины», как одном из первых произведений советской драматургии, раскрывающем тему народа и его исторического творчества.

Мы видим, что пьеса горячо нравится критику яркостью своеобычных образов, богатой речевой их характеристикой, драматургической напряженностью действия.

Но это не мешает Е. Суркову видеть и вскрывать крупные недостатки «Пугачевщины».

Разбирая композицию драмы, взаимодействие и речь таких персонажей, как Пугачев, Устинья, Чика, прослеживая эволюцию образа Пугачева от разбитного балагура, обладающего «огромной долей хлестаковщины», до исполненного величия трагического героя, критик доказывает, что треневский Пугачев — «личность, не лишенная занимательных, даже по-своему эффектных черт, но в основе своей все же незначительная, мелкая», совершенно не соответствующая исторической правде.

Путем подробного идейно-художественного анализа, а также путем привлечения ряда интересных архивных документов критик доказывает, что неверная трактовка образа Пугачева связана с заблуждениями автора, испытавшего, видимо, в те времена влияние «школы» Покровского с присущим ей вульгаризаторским пониманием роли личности в истории.

Е. Сурков отмечает, как причину неудач в «Пугачевщине», и ту инерцию старого, субъективистского подхода к исторической теме, в силу которой Тренев «следовал истории там, где его цели совпадали с ее действительным содержанием; там же, где его намерения шли вразрез с историческим материалом,— там он следовал своим субъективным замыслам».

В главе о «Любови Яровой» автор сумел достигнуть единства идейно-художественного анализа. Анализ образа комиссара Кошкина является ключом к раскрытию идейного смысла и художественной структуры всего произведения. Критик показывает, как осуществляется в «Любови Яровой» один из важнейших принципов социалистического реализма — изображение жизни в ее развитии, с взглядом в будущее.

«Даже в языке пьесы слышится эта волнующая музыка стремительного исторического движения,— пишет Е. Сурков.— Вслушайтесь в речь Кошкина, Шванди — в ней происходит тот же процесс возникновения и кристаллизации нового, что и во всей пьесе в целом. Язык этих персонажей — удивительный сплав самых неожиданных, конфликтных, казалось бы, совершенно несовместимых элементов».

На основании того, **как** говорит комиссар сегодня, Е. Сурков показывает не только то, чем Кошкин и подобные ему люди являются в данный исторический момент, но и то, чем они станут завтра.

Разбирая «Любовь Яровую», по праву занявшую почетное место в сокровищнице советской драматургической классики, Е. Сурков не сбивается, однако, на панегирик; он отмечает и несовершенства пьесы и те трудности, которые К. Треневу не удалось преодолеть. В частности, критик говорит о неполноте образа Кошкина, который «ведет» пьесу, но недостаточно действует сам в решающих актах.

Достоинство глав о «Пугачевщине» и «Любови Яровой» заключается и в том, что эти произведения рассматриваются не только в цепи развития творчества К. Тренева, но и в системе взаимодействия пьесы и театра, роли и актера. Анализ высказываний режиссеров, как, например, Вл. И. Немировича-Данченко или Ю. А. Завадского, а также известных советских актеров и актрис, исполнявших роли в треневских пьесах, относится к интересным и поучительным страницам книги.

Достоинства этой работы позволяют без всяких скидок поставить вопрос и о ее маловажных недочетах и недоделках. Основным недостатком книги является то, что историко-литературный фон в ней, будучи правильно намеченным, не всегда в достаточной мере введен в действие. Нередко автор только перечисляет те или иные литературные факты, сопутствующие творчеству К. А. Тренева или влияющие на него. Именно эта скупость в раскрытии фона и определяет, как нам кажется, основные недочеты главы о раннем творчестве Тренева и заключительной, шестой главы, дающей обзор его последних работ, начиная с 1935 года.

В этих главах немало интересных и тонких наблюдений. Так, на конкретных примерах прослежен процесс освобождения К. Тренева от народнических заблуждений, хотя, может быть, кое-где критик чересчур прямолинейно «подверстывает» Тренева к Л. Толстому. Интересно говорится о борьбе толстовских и горьковских идейных влияний. Точно дано определение юмора треневской прозы.

Убедителен анализ пьесы «Гимназисты» (1935 год), особенно образа мелкого чиновника Черничкина. Много поучительного в разборе пьесы «На берегу Невы», написанной К. А. Треневым к двадцатилетию Октября. Здесь радует точный сравнительный анализ образов капиталиста Расстегина и горьковского Булычова. Но основной недостаток пьесы «На берегу Невы», помешавший ей обрести долговечность «Любови Яровой»,—дробность и малозначительность образов, представляющих революционный народ,— критиком не раскрыт. Е. Сурков, констатировав факт, не связал его с существовавшей в нашей литературе тенденцией изображать народ только в массовых сценах, не создавая индивидуализированных образов представителей народа.

Из-за малой активности фона К. Тренев в начальной и заключительной главах зачастую выступает как бы сам по себе, и путь его здесь временами предстает сглаженным. Противоречиво и туманно говорит Е. Сурков о серьезных идейных заблуждениях К. Тренева периода «Донской речи» и «Донской жизни».

Думается, в книге неправомерно поднимается одна из последних пьес К. А. Тренева—«Анна Лучинина», которую Е. Сурков рассматривает, как удачу драматурга, призывая театры к ее постановке, но забывая сказать о наивности и схематизме ряда образов и ситуаций этой пьесы. В разборе «Анны Лучининой» Е. Суркову изменяет его тонкое чувство языка. Радуясь чистоте речи героев, критик не говорит о том, что речь эта слабо индивидуализирована и обильно уснащена неудачными каламбурами, от которых герои не могут избавиться даже в самые драматические моменты. Утверждая, что в «Анне Лучининой» «Тренев сделал ценный вклад в разработку... нравственно-этических вопросов», критик не сумел ясно определить размер и значение этого вклада.

К достоинствам книги нужно отнести главу о языке. Однако то обстоятельство, что автор выделил основной разговор о языке Тренева особо, создает впечатление, будто бы Тренев эволюционировал в плане идейном, углубляя и совершенствуя все элементы своего мастерства, кроме языка, в котором произошло только освобождение от некоторых излишеств в области диалектизмов — и больше ничего. А между тем какие дополнительные возможности открыл бы перед критиком сравнительный анализ языка Тренева-прозаика и Тренева-драматурга, вскрытие тех элементов его прозы, которые обусловили удачи и срывы в драматургии.

Вызывают возражение и некоторые другие стороны композиции книги. Первый и последний периоды творчества К. Тренева даны здесь, несмотря на обильные упоминания одних и тех же произведений, слишком бегло. Некоторые сноски, излишне подробно излагающие малозначительные факты творческой биографии Тренева, могли быть опущены совсем, а некоторые — включены в основной текст. То же относится и к приложениям, зачастую являющимся тем самым необходимым дополнением, которого недостает в основном тексте. Обилие демонстративно выдвинутых на видное место принадлежностей «научного аппарата» может отпугнуть неискушенного читателя.

Авторская речь Е. Суркова публицистична, богата и вместе с тем проста и общедоступна. Однако автор иной раз теряет чувство меры и допускает удлиненные периоды, повторы, пышную многоэпитетность.

При всех этих серьезных недостатках книга Е. Суркова достойна внимания широкого читателя.

---

* **Е. Сурков. «К. А. Тренев». «Советский писатель». Москва. 1953. 429 стр.**

А. М. Горький о литературе и искусстве

В ближайшее время выйдет XXVII том собрания сочинений А. М. Горького, включающий более ста статей, докладов, речей и приветствий, относящихся к 1933—1936 годам.

Лишь третья часть материалов, помещенных в этом томе, входила ранее в сборники публицистических и литературно-критических произведений великого писателя. Большинство же материалов не перепечатывалось после первой публикации в периодической прессе и ныне впервые включается в собрание сочинений. В их числе — более двадцати статей и выступлений, посвященных вопросам культуры. Они содержат интереснейшие высказывания Алексея Максимовича по актуальным вопросам литературы и искусства и представляют огромный интерес для читателей. Так, в своей статье «Об искусстве», напечатанной в 1935 году в журнале «Наши достижения», А. М. Горький писал:

«Искусство ставит своей целью преувеличивать хорошее, чтоб оно стало еще лучше, преувеличивать плохое — враждебное человеку, уродующее его, — чтоб оно возбуждало отвращение, зажигало волю уничтожить постыдные мерзости жизни, созданные пошлым, жадным мещанством. В основе своей искусство — есть борьба за или против, равнодушного искусства — нет и не может быть, ибо человек не фотографический аппарат, он не «фиксирует» действительность, а или утверждает, или изменяет ее, разрушает».

И, как бы иллюстрируя это положение, Алексей Максимович рассказывает далее в статье о своей встрече на пароходе между Казанью и Нижним, в конце прошлого века, с кустарем-вятичем — мастером деревянных резных игрушек:

«...Я спросил: почему он, мастер, делает людей как будто насмешливо? Искоса взглянув на меня, он ответил не без задора:

— Я натуральню режу. Которых знаю, тех и режу... Некоторы штучки делаю хуже супротив того, каковы они есть, а иные надоть резать получше всамделишных. Приятные делаю приятней, а которы не приятны мне, так я не боюсь охаять их пуще того, каковы они уроды».

Об этом праве искусства Алексей Максимович говорит и в своей речи на открытии второго пленума правления Союза писателей в марте 1935 года.

В XXVII томе напечатаны также известные статьи и выступления А. М. Горького о литературе: «О социалистическом реализме», «О языке», «Литературные забавы», «О кочке и о точке», «Литературу — детям», «О сказках», доклад и речи на первом Всесоюзном съезде советских писателей, на пленумах оргкомитета и ССП — до и после первого съезда. Это последний том общественно-публицистических и литературно-критических статей и речей А. М. Горького; три последующих тома займут письма великого писателя.

В новом доме по Суворовскому проспекту в Ленинграде открылся книжный магазин Ленкниготорга. Это — третий магазин, открывшийся за последние три месяца. В нем имеются отделы политической, художественной, детской, технической и научной литературы. На снимке: в новом магазине.

Фото М. Блохина

ЧИТАТЕЛЬ О КНИГЕ

Хорошие сказки для малышей

Недавно мне попала в руки тоненькая книжечка детских сказок **В. Осеевой «Добрая хозяюшка»** (Детгиз. 1953. 16 стр.).

Сказки эти, живые и образные, написаны для детей дошкольного возраста; они будят любознательность ребенка и знакомят его с действительным миром, его окружающим. И, что еще замечательнее, в них нет искусственной морали. Маленькому читателю быстро надоедают те сочинения в стихах и прозе, где дети представлены настолько идеальными и смиренными, что если бы они все были такими в действительности, то воспитателю и делать было бы нечего. Припомним ряд детских сборников последних лет: «На солнечном берегу» Е. Стюарт, «Хороши малыши» В. Гончарова, «Зеленый друг» И. Белякова, «Лодка-мореходка» И. Молчанова-Сибирского и др. Скучны и неинтересны эти книги потому, что искусственно оторваны от жизни, нереальны, надуманны образы их героев. Авторы этих и им подобных книг рисуют только чисто вымытых и гладко причесанных детей. Герои получаются у них книжные, а не живые. А ведь и шалун, и лентяй, и хвастун имеются в действительности.

И как непохожа «Добрая хозяюшка» Валентины Осеевой на этих милых прилизанных деток, бытующих в перечисленных книжках. У Осеевой все естественно, образно, понятно, жизненно.

— Не хочу с такой хозяйкой дружить. Не умеет она дружбой дорожить,— говорит девочке щенок, которого она променяла у соседа на уточку.

«Проснулась девочка — никого у нее нет!»

Смысл сказки «Добрая хозяюшка» так наглядно выражен в словах щенка, что даже дошкольники не нуждаются в дополнительных пояснениях, им понятно и содержание и значение сказки. Не менее интересна и «Заячья шапка». Образ хвастунишки-зайца, затем хвастуна-мальчика, хвастуньи-девочки так умело нарисован, что иначе и представить трудно этих героев. Каждого из хвастунов постигла неудача. Лежит в поле шапка из шкурки зайца-хвастунишки. Казалось бы, и сказке конец. Но автор добавляет, что кто-то эту шапку поднял, и обращается к детям с вопросом: «Посмотрите вокруг, ребятки, нет ли на ком из вас заячьей шапки?»

А вот концовка миниатюрной сказочки «Какой день?»:

— Сегодня чудесный день! Я хорошо поработал и могу спокойно отдохнуть!

И разве от этого обыкновенного ответа муравья-труженика не становится стыдно дождевому червю и кузнечику — героям сказки, проведшим весь день в споре: какой сегодня день, хороший или отвратительный?

И здесь моральный вывод вытекает из самого существа рассказа. Меня, как педагога, от души радуют сказки Валентины Осеевой. Радуют они и многих дошкольников, которым я читал эту книжку.

А. ЛЕУЦКИЙ, учитель

КРАСНОДАР

Ата Каушутов

15 ноября в Ашхабаде после тяжелой болезни умер Ата Каушутов — талантливый писатель, один из зачинателей туркменской советской литературы. Он родился в крестьянской семье; в начале 20-х годов активно участвовал в работе комсомола, в 1924 году редактировал первую в Туркмении комсомольскую газету «Яш коммунист». С 1928 по 1933 год Ата Каушутов был директором художественного техникума, только что организованного тогда в Ашхабаде.

Уже в те годы определилось его литературное дарование. Он много ездил по Туркмении, превосходно знал жизнь своего народа. Ата Каушутов работал в жанре поэзии, прозы, драматургии. В 1929 году в Ашхабадском театре с успехом шла его пьеса «Джума» о гражданской войне. Но особенную известность принесли Каушутову его прозаические произведения. Романы «Мехри и Вепа» и «У подножья Копет-Дага», сборник рассказов «Семья охотника Кандыма» переведены на русский язык.

За выдающиеся заслуги в области литературы Советское правительство наградило Ата Каушутова орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и почетными грамотами.

В лице Ата Каушутова наша многонациональная советская литература понесла большую утрату.

А. Фадеев, А. Сурков, К. Симонов, Н. Тихонов, Н. Грибачев, Б. Полевой, Л. Леонов, В. Герасимова, В. Гольцев, А. Чаковский, В. Луговской, П. Скосырев, Г. Санников, Б. Шатилов, С. Евгенов, А. Тарковский, А. Рябинина, С. Кирьяков.

ЦИТАТЫ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Верхний рисунок взят из американской газеты «Миннеаполис трибюн». Художник назвал его: **«Интересно, как подвигается работа над статуей...»**

Судя по карикатуре, работа подвигается неважно. Скульптор, символизирующий «логику» (в представлении американских империалистов), безуспешно пытается создать статую **«Европейская армия»**, как гласит надпись на пьедестале, из глыбы **«европейских противоречий»**. На полу разбросаны поломанные резцы...

Нижний рисунок, также отражающий нетерпение правящих кругов США, жаждущих поскорее сколотить пресловутое «европейское оборонительное сообщество», был опубликован американской газетой «Нью-Йорк таймс». **«Европейская армия»** изображена здесь в виде медленно ползущей улитки, которую подгоняет бодрый джентльмен.

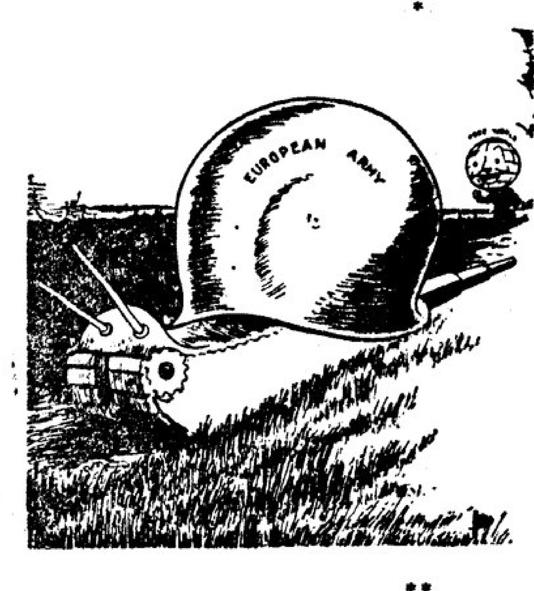
Затруднения, которые приходится испытывать заокеанским империалистам, сколачивающим агрессивный антисоветский блок, объясняются, конечно, не только внутриевропейскими противоречиями. Цитаты, которые мы приводим ниже, дают, в частности, представление и о другой, не менее существенной стороне вопроса.

* * *

«Во всей Западной Европе политическое руководство Америки приходит, судя по всему, к концу. США теряют своих старых друзей одного за другим...

В большинстве стран будет меньше политической устойчивости, меньше европейского единства, меньше готовности поддерживать США против России».

(Из американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», том XXXV, № 7, 1953 год).

«Разумеется, американцы хорошо знают, что в последние годы они становятся все более и более непопулярными в Европе».

(Из датской газеты «Информашон» от 29 октября 1953 года).

В настоящее время популярность США в Европе «ниже, чем в любой период за последние годы».

(Из заявления американского сенатора-демократа Герберта Лимэна, переданного агентством Юнайтед Пресс в начале октября 1953 года).

«Соглашение правительства Эйзенхауэра с франкистской Испанией западноевропейские участники НАТО (организация Атлантического пакта.—**Ред.**) встретили с омерзением и отвращением, но поскольку речь шла о соглашении между двумя странами, о соглашении, которое не должно было бы затрагивать остальные страны, входящие в НАТО, пришлось ограничиться сожалением по поводу этого нового сотрудничества и заявить о намерении решительно противодействовать включению франкистской Испании в организацию Атлантического пакта. Однако американские планы относительно участия войск франкистской Испании в несении военной службы за рубежом вносят изменение в положение дел. Иными словами, это означает, что в определенной ситуации странам, входящим в НАТО, могут быть навязаны фашистские наемные солдаты, и что франкистская Испания тем самым введена в атлантическую организацию через заднее крыльцо...

Американские военные власти думают, судя по всему, только о дивизиях и уделяют слишком мало внимания демократической морали. Но если американское правительство не может понять, какую медвежью услугу оно оказывает западноевропейским странам, стремясь навязать хотя бы одной из них фашистские войска для «защиты демократии», то остальные члены НАТО должны заявить ему об этом».

(Из датской буржуазной газеты «Афтен-постен», 3 ноября 1953 года).

НЕЧЕСТНАЯ ИГРА

Известно, что буржуазная пресса замалчивала или извращала предложения, содержащиеся в Советской ноте западным державам от 3 ноября. Теперь некоторые зарубежные газеты, из числа тех, что находятся в полном подчинении у определенных кругов, заинтересованных в поддержании и усилении международной напряженности, пытаются извратить содержание заявления, сделанного министром иностранных дел В. М. Молотовым на пресс-конференции 13 ноября.

С помощью грубых подтасовок, нарочитой путаницы, а то и клеветнических измышлений реакционная пресса хочет доказать, что советские предложения якобы «неосуществимы», либо «неприемлемы».

Американская газета «Нью-Йорк таймс» в номере от 16 ноября задалась целью убедить читателей, что «именно Москва, а не Вашингтон торпедировала всякую серьезную надежду на переговоры в нынешней международной обстановке».

Какие же аргументы приводит газета? «Условия, которые недавняя советская нота устанавливает для созыва совещания министров иностранных дел, таковы,— пишет она,— что, если бы они были приняты, то совещание по существу было бы проведено для выработки окончательных деталей капитуляции Запада...».

Но «Нью-Йорк таймс» отлично знает, что никаких «условий» в Советской ноте не содержится. В выступлении В. М. Молотова на пресс-конференции ясно говорится: «участники совещания не связаны заранее обязательством ограничиться рассмотрением одного какого-либо спорного международного вопроса, а могут договориться о рассмотрении любого из назревших вопросов, если будет признано, что урегулирование этого вопроса будет содействовать разрядке в международных отношениях». Тактика лживых уверток, к которой прибегает «Нью-Йорк таймс», не нова. Она была разработана впрок, на страницах еженедельного приложения... к этой газете, задолго до опубликования Советской ноты от 3 ноября.

Обратимся к этому приложению — журналу «Нью-Йорк таймс мэгэзин».

В номере от 20 сентября этого журнала помещена статья профессора Иэльского университета Фредерика Баргхурна. «Требуется ответ на новую линию Москвы» — такой заголовок предпослал профессор «политических наук» своим размышлениям на внешнеполитические темы. Баргхурн, как и газета «Нью-Йорк таймс» сегодня, крайне встревожен тем, что мирная инициатива Советского Союза находит все больше и больше сторонников в капиталистических странах, что она пользуется сочувствием и поддержкой миллионов людей. Баргхурн пишет об этом с той откровенностью, какой и требуют создавшиеся «чрезвычайные обстоятельства». А они, по мысли автора, заключаются в том, что «новое советское мирное наступление вызвало во всем мире настойчивые требования о созыве совещаний, которые положили бы конец холодной войне».

Баргхурн не одобряет такого рода требований. Но как быть, если идея мирного урегулирования находит живой отклик в различных слоях населения всех стран мира? «Мы повредили бы самим себе,— предостерегает автор,— если бы позволили Кремлю создать впечатление, будто мы, а не он, испугались встречи за столом совещаний и обсуждения конструктивных задач мира».

Исходя из этой главной задачи, Баргхурн и советует: «Нам следует настаивать на том, чтобы обсуждались строго определенные проблемы, заранее тщательно подготовленные».

Не ясно ли, что перед нами отчетливо выраженный курс на то, чтобы заранее связать руки совещания, которое должно уже теперь содействовать разрядке в международных отношениях. Характерно, что «специалист по советским делам» Баргхурн, как его рекомендует журнал, выступил со своими соображениями еще 20 сентября. Статья Баргхурна — лишнее свидетельство наличия общего плана, по которому действуют пропагандисты государственного департамента, плана, рассчитанного на то, чтобы все разговоры о совещании привести к отрицательным результатам.

И действительно, когда была опубликована Советская нота от 3 ноября, а вслед за ней и заявление В. М. Молотова на пресс-конференции, газета «Нью-Йорк таймс» лишь воспользовалась уже разработанной впрок программой обмана общественного мнения и саботажа любых советских мирных предложений.

Л. ПЕТРОВ

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФАЛЬШИВКИ

Провокационная шумиха, поднятая в США вокруг вымышленных «зверств северокорейских и китайских коммунистов», достигла своего апогея, когда восьмая сессия Генеральной Ассамблеи ООН голосами американского большинства приняла предложение делегации США обсудить вопрос о «зверствах», якобы совершенных над американскими военнопленными.

Не впервые американские правящие круги прибегают к провокационным измышлениям насчет «зверств» в Северной Корее. Новая клеветническая затея имеет свою поучительную историю.

Ноябрь 1951 года. Реакционная пресса опубликовала подготовленный полковником 8-й американской армии в Корее Джеймсом Хэнли доклад о том, что китайские и северокорейские войска якобы убили большое количество военнопленных. Фальшивка настолько явно была шита белыми нитками, что даже офицеры штаба Риджуэя отмежевались от нее.

Выступая 20 ноября 1951 года в палате общин, тогдашний английский военный министр Хэд заявил, что никаких официальных данных, позволяющих предполагать убийство английских военнопленных в Корее или зверское обращение с ними, нет. Письма военнопленных родственникам в Англию говорили о хорошем обращении с пленными.

Какие же цели преследовали тогда, в ноябре 1951 года, авторы этой фальшивки? Они ставили своей задачей сорвать переговоры о перемирии в Корее, отвлечь внимание от кровавых расправ американской военщины над корейскими и китайскими военнопленными.

Как известно, фальшивка Хэнли, несмотря на невероятную шумиху, поднятую американской реакционной прессой, скандально провалилась.

Август 1953 года. Когда начался обмен военнопленными и всплыли новые факты убийств и истязаний корейских и китайских военнопленных в лагерях на Кочжедо, Чечжудо, в Пусане, печать монополий вновь начала усиленно пичкать своих читателей клеветническими сообщениями о «зверствах» в Северной Корее.

Но выдать ложь за правду американским мастерам фальшивок не удалось и на этот раз. Корреспондент буржуазной газеты «Крисчен сайенс монитор» Генри Хэйвард в сообщении из Муньсаня указывал, что сенсационные заголовки в американских газетах основаны на чистом вымысле. Корреспондент выходящей в Вашингтоне негритянской газеты «Афро-Америкэн» Уильям Уорти писал из Токио, что читатели не должны верить сообщениям печати о жестоком обращении с военнопленными американцами. «Многие ответы репатриированных военнопленных на вопросы корреспондентов,— писал 22 августа Уорти,— были получены с помощью наводящих вопросов и под бдительным оком армейских цензоров».

В те же дни агентство Ассошиэйтед Пресс передавало, что возвратившиеся из плена американские солдаты почти единодушно утверждали, что с ними обращались хорошо. Английский адмирал Никольс, выступая 16 сентября по лондонскому радио, заявил, что «с младшими офицерами и солдатами обращались, как правило, хорошо...»

Стоит напомнить и о том, что писала буржуазная пресса об обмене военнопленными в Пэньмыньчжоне. «Медицинский персонал союзников,— указывала, например, австралийская газета «Санди геральд»,— удивлен тем, как прекрасно китайские врачи заботятся о военнопленных». Один из врачей прямо заявил, что английские и американские военнопленные «выглядят лучше, чем солдаты нашего личного состава».

Так клевета о «зверствах» над американскими военнопленными снова с треском провалилась.

Ноябрь 1953 года. Не прошло и трех месяцев, а изрядно заигранная граммофонная пластинка завертелась опять. Старая фальшивка Хэнли, обновленная Пентагоном, снова, спустя ровно два года, вытащена на свет божий. И что же? Даже печать монополий говорит об очередном провале клеветников в глазах общественного мнения. Журнал «Ньюсуик» в номере от 9 ноября пишет: «Важное обстоятельство, касающееся реакции общественного мнения на зверства в Корее, состоит в том, что никакой реакции нет». На равнодушие западноевропейской общественности к американской пропаганде о «зверствах» жалуется и корреспондент газеты «Крисчен сайенс монитор» при штабе ООН Фрай.

Знаменательно и то, как был встречен присланный из Вашингтона доклад Пентагона о «зверствах» в Австралии. «Министр иностранных дел Кэзи и военный министр Фрэнсис,— пишет газета «Сидней морнинг геральд» — отказались обсуждать это сообщение, когда их спросили: могут ли они с уверенностью заявить, что австралийцы явились жертвами зверств. Однако министр авиации Макмагон заявил, что, насколько ему известно, среди личного состава австралийских военно-воздушных сил никто не явился жертвой пыток и не был умерщвлен».

Какие же цели преследуют американские правящие круги, вновь и вновь прибегая к набившей, очевидно, им самим оскомину фальшивке?

Во время обсуждения провокационного предложения делегации США о включении вопроса о «зверствах» в повестку дня 8-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель СССР А. Я. Вышинский убедительно показал, что это предложение, основанное на фальсификации и грубой лжи, направлено к тому, чтобы сорвать мирное урегулирование корейского вопроса, разжечь военную истерию, не допустить ослабления международного напряжения.

Но дипломатам и генералам из Вашингтона и на этот раз не удастся обмануть мировое общественное мнение. Во всех странах люди доброй воли внимательно следят за происками агрессивных сил, которые стремятся осложнить мирное урегулирование корейского вопроса и этим помешать разрядке международного напряжения.

СТАРЫЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ И ПОПРАВКИ К НИМ

Мы перелистали комплект английской буржуазной газеты «Дейли мейл» и нашли в нем серию очерков некоего Мекензи под весьма выразительным заголовком: «Американские интервенты, их планы, тактика и успехи».

Рис. Бор. Ефимова

Автор рисует несколько гротескную, но весьма яркую картину быта англичанина.

«Рядовой англичанин подымается утром с кровати, покрытой простынями, вывезенными из Новой Англии, бреется «Вильямсом», дешевой безопасной бритвой янки, натягивает бостонские сапоги поверх носков из Северной Каролины, застегивает подтяжки из Коннектикута, опускает в карман свои часы фирмы Уолттема или Уотербери и садится завтракать.

Он поздравляет жену с тем, что ее блузка из Массачузетса прекрасно сидит на корсете из Иллинойса, и с усердием принимается за еду. Он поглощает хлеб из пшеницы, произрастающей в прериях, устрицы из Балтиморы, бекон из Канзас-сити, в то время как его жена лакомится ломтиками языка из Чикаго. Детям дают овсянку из Америки. За едой он читает свою утреннюю газету, напечатанную американскими машинами на американской бумаге американской краской и, вероятно, редактируемую ловким журналистом из Нью-Йорка. Он выходит из дома, садится в трамвай (нью-йоркской фирмы), доезжает до Шефердс Буш, где садится в американский подъемник, доставляющий его к снабженному американским оборудованием электропоезду, который довозит его до Сити. В его конторе все, конечно, американское.

Он сидит на вращающемся кресле из Небраски перед бюро из Мичигана, пишет письма на пишущей машинке из Сиракуз, подписывая их нью-йоркским вечным пером и просушивая промокательной бумагой из Новой Англии. Письма хранятся в папках, изготовленных в Гранд-Рапидс.

За вторым завтраком он проглатывает кусок холодного ростбифа — мясо из Среднего Запада и приправляет его пикулями из Питтсбурга, после чего следуют консервы из персиков Делавара. Затем он прочищает мозги парой виргинских сигарет. Было бы слишком утомительно проследить весь его дневной путь. Но когда наступает вечер, он ищет отдыха в театре, где идет новейшая американская музыкальная комедия, выпивает коктейль или немного калифорнийского вина и заканчивает день парой американских пилюль от печени».

Так на страницах «Дейли мейл» изображен американизированный день британца, который с утра до ночи не может вырваться из цепких объятий «американского друга». Картина — злободневная, **хотя нарисована она... более полувека назад, в 1902 году...**

Уже тогда, на заре нашего столетия, американский натиск на Англию стал таким стремительным, что вопрос об американской конкуренции и ее угрозе для Англии был поднят в британском парламенте. 12 августа 1903 года член парламента Робертсон с тревогой говорил о вторжении американского миллиардера Моргана в цитадель британской экономики — судоходство. А сэр Фредерик Фланнери заявил, что американские миллионеры вторглись почти в каждую область английской промышленности и повсеместно угрожают британским интересам.

За несколько лет до этих парламентских дебатов с «философским» обоснованием планов Моргана и его коллег выступил американский стальной король Эндрью Карнеги. В статье «Взгляд вперед», опубликованной в 1899 году, он возвестил британцам:

«Как верно, что солнце однажды уже светило Британии и Америке — объединенным, так же верно, что однажды утром оно взойдет, чтобы приветствовать и освещать вновь объединившиеся государства Британо-Американского Союза».

Заметьте, Карнеги упоминал «Британо-Американский Союз», но, расшифровывая эту формулу, он говорил о таком союзе, в котором «Британия принадлежала бы в большей степени Америке, чем Америка Британии». Так прямо и сказано у него!..

Вот что писал еще американский миллиардер об этом союзе: «Предназначение старой страны представляется мне вполне ясным. Вы будете семейным очагом расы. Ваша промышленность исчезнет — одна отрасль за другой, но вы все более и более будете становиться излюбленным садом и местом отдохновения для расы, которая всегда будет видеть в Британии дом предков».

Тут все сказано с полной откровенностью! И надо отдать справедливость Карнеги: многое из его мечтаний сбылось.

И если теперь, спустя полвека после появления в «Дейли мейл» картины жизни «среднего британца», на его столе не найти бекона, языка, пикуль, устриц, персиков из Америки, так как Америка душит Англию долларовым голодом, то для американских оккупантов Англия действительно стала «садом и местом отдохновения».

Солдаты и офицеры, разведчики и бизнесмены из-за океана ведут себя в Англии не как в «доме предков», а как в колонии... Такова историческая поправка к старым предсказаниям.

М. Г.

Ю. ЯХНИНА

Дело о Скорпионе

Датский военный министр печатно обращается к армейским поставщикам с просьбой не подкупать офицеров при строительстве казарм и военных сооружений. Директор Радиовещания просит своих сотрудников не «одалживать» денег у владельцев фирм, заинтересованных в радиорекламе. Со страниц датской печати не сходят сообщения о злоупотреблениях муниципальных властей, о нарушении таможенных порядков, о валютных махинациях. Наконец, уже более трех лет датскую общественность волнует по сей день не расследованное «Дело о пауке», которое скомпрометировало не только крупных дельцов, но и полицию.

Чем объяснить эту неслыханную эпидемию коррупции, которая охватила государственный аппарат Дании, да и не только Дании, но многих других стран Западной Европы?

Известный датский писатель Ханс Шерфиг отвечает на этот вопрос новым сатирическим романом «Скорпион».

«Темное дело, о котором здесь будет рассказано, — пишет автор в предисловии к роману,— и которое в истории уголовных дел принято называть «Делом о Скорпионе», имеет в какой-то степени международное значение; в условиях европейского содружества и солидарности его нельзя приписать ни одной отдельно взятой стране».

Шерфиг не называет места действия своего романа: пусть читатель сам разыщет его на карте в эпоху нынешних географических смещений, когда, «необыкновенно расширившись за счет других вод», Атлантический океан «стал омывать одновременно такие различные побережья, как берега Гренландии, Зеландии и Малой Азии», и когда «в Эресунде появились акулы, над Данией — орлы-стервятники, скорпионы и другие гады — в странах, где они до сих пор не были известны».

Но хотя имя маленькой страны не названо, политическое и экономическое положение государства, ставшего ареной деятельности «скорпионов», описано автором конкретно и точно. Это одна из стран на севере Европы, задыхающаяся в тисках плана Маршалла. Спустя несколько лет после войны здесь все еще не отменена карточная система. «Масло, в избытке производимое в стране, не поступает к населению. Специальные законы предписывают подмешивать воду в молоко... На каждом поросенке, на каждой бочке масла, отправляемой в Англию, страна теряет деньги, и дефицит в торговом балансе возрастает...»

Маршаллизация открыла широкие возможности не только для легализированного ограбления «слабо развитых» стран, но и для прямого грабежа, участвуя в котором зарубежная и местная буржуазия вступает на путь уголовных преступлений. Население испытывает нужду в продовольствии, в предметах первой необходимости, а в стране процветает черный рынок. Его питает контрабанда из-за границы. Валюта страны обесценивается, но американские «дядюшки» долларами отсчитывают «благодарным племянникам» их долю в награбленном. «Бдительная полиция» карает мелких чиновников таможни, порой арестовывает отдельных спекулянтов валютой и нормированными товарами, но организованный грабеж страны и ее народа приобретает все более массовый характер. «Скорпионом» прозвала любящая сенсации пресса того неуловимого закулисного босса, главаря шайки гангстеров и черных биржевиков, ядовитое жало которого почему-то никак не удается обезвредить полиции.

Кто же, однако, этот Скорпион?

К сожалению, многие граждане страны еще не задумываются над этим вопросом. Не задумывается над ним и учитель гимназии Аксель Карелиус, который взирает на мир сквозь розовые очки либеральных иллюзий. Карелиус уверен, что живет в «лучшей из возможных демократий» и что в его маленькой стране все обстоит благополучно. Правда, учителя огорчают неблаговидные поступки его школьных питомцев, иной раз граничащие с преступлениями, изображаемыми в гангстерских фильмах. Но Карелиусу не приходит в голову связать этот факт с тем, что ему все еще приходится довольствоваться скудным карточным пайком и что где-то в стране орудует банда Скорпиона...

«Необычайные» приключения Карелиуса составляют сюжетную ткань сатирического романа Шерфига. Во время безмятежной прогулки учителя задерживают полицейские. Найденные у Карелиуса игрушечный револьвер, перочинный нож и другие отобранные у школьников предметы становятся уликами, на основании которых его обвиняют в убийстве неких супругов Шульце. Наконец, безобидного Карелиуса объявляют Скорпионом.

В процессе нелепых допросов, трагикомических судебных заседаний, при встречах с колоритными фигурами «служителей закона» Карелиус начинает понимать, чего стоит на деле «лучшая из возможных демократий».

Департамент полиции — Ярд, «с его государственными обвинителями и вооруженными полицейскими, дрессированными собаками и бронемашинами, сыщиками и картотеками на коммунистов», — один из основных объектов бичующей сатиры Шерфига. Запутанные лабиринты Ярда, кипящая в них «двойная» — официальная и неофициальная — деятельность символизируют в романе жизнь всего буржуазного государства.

Карелиус не подозревает, насколько закономерны «случайности», которые мешают блюстителям закона разобраться, кто прав и кто виноват в пресловутом «Деле о Скорпионе». Он не знает, что пока рьяный инспектор Мумме составляет акт о поимке матроса, купившего на черном рынке одну сигарету, коллеги инспектора тщательно охраняют перевозку запрещенных товаров в магазин одного из гангстеров-миллионеров. Он не ведает, что шеф полиции Окцитанус отстраняет от должности сыщика Болдевина, по собственной инициативе нашедшего наемного убийцу супругов Шульце, и взирает сквозь пальцы на деятельность «образцового сыщика» Юнаса, который спекулирует золотом, выкрадывает из архивов Ярда дело о преступнике Ульмусе и передает на волю деловые поручения арестованного преступника Левквиста. Карелиус не догадывается, что социал-демократ министр юстиции с тревогой спрашивает Окцитануса, сколько времени можно продержать в тюрьме ни в чем не повинного Карелиуса, чтобы оттянуть время и любой ценой замять дело, «которое может скомпрометировать весь западный образ жизни».

В романе Шерфига проходит ряд ярких сатирических фигур бизнесменов-гангстеров, для которых в маршаллизованной Европе не существует границ и виз, таможен и законов. Только в этих условиях может процветать космополитическая по своему существу деятельность «скорпионов». Деловые связи международных гангстеров восходят к руководителям атлантической политики.

Неудивительно, что Скорпион неуловим. В условиях «европейского содружества и солидарности» Скорпион — это не какой-нибудь отдельный гангстер, а «нечто более крупное и отвратительное», ибо «над всем западным миром распростер Скорпион свое уродливое тело, источая яд и мутный гной». Американская экспансия в Европе породила Скорпиона. К этому выводу Шерфиг подводит читателя всем ходом своего романа.

Но дело о Скорпионе — это не только уголовное дело о коррупции. Шерфиг беспощадно разоблачает политическое лицо «скорпионов». У миллионера Ульмуса в прошлом — шпионаж в пользу гестапо и бегство из лагеря для военных преступников при попустительстве английского коменданта. Племянник министра юстиции, освобожденный из-под следствия приказом своего дяди, обвинен не только в растратах, но и в шпионаже. «Надеюсь, в пользу западной державы?» — дружески осведомляется шеф полиции, чьи многосторонние функции включают непременную «чашку чая» в американском посольстве, сменившую «вечер за кружкой пива» в кругу офицеров гестапо.

Случайное сцепление обстоятельств приводит Карелиуса в святая святых Ярда — отдел политической разведки. Сюда не вхожи депутаты отечественного парламента, здесь распоряжается одетый в штатское американский офицер. «Над полицейскими инспекторами и шефом полиции, над судьями и министром юстиции стояла таинственная, скрывшаяся под тремя буквами «Си Ай Эй» — Американская служба разведки.

Тема коррупции буржуазного государственного аппарата перерастает в романе Шерфига в тему национального предательства. «Дело о Скорпионе»—это дело не только о торговле золотыми слитками, карточками и нормированными товарами. Это—дело о торговле национальным суверенитетом. Оптом и в розницу торгуют своей отчизной ульмусы, левквисты, а с ними — шеф полиции, министры и политические деятели. Вот в чем смысл «международного значения» «Дела о Скорпионе», «этом членистоногом, боящемся света существе, которое проникло в страну с переменой климата»...

Подобно скорпиону, впилось в страну американское посольство, ставшее негласным правительством пристегнутого к Атлантическому пакту государства. Отсюда питается преступная деятельность левквистов и ульмусов. Отсюда получают инструкции шеф полиции и редакторы «независимых» газет. Отсюда текут в школы учебные пособия, полные военной пропаганды и клеветы на Советский Союз. Отсюда распространяются яд и гной, отравляющие жизнь маленькой страны военным психозом, гонкой вооружений, ростом преступности. Сюда со всех сторон стекаются картотеки на «недовольных» и подозреваемых в симпатии к борцам за мир.

Подозреваемых становится все больше, картотеки растут, они уже не помещаются в одном здании посольства. Происходит торжественная закладка нового здания. Ужин, которым заканчивается празднество, приобретает в романе Шерфига символическое значение.

«Здесь были все они, имевшие вес в стране, владевшие страной, торговавшие со страной, продававшие страну. Объединение господствующих и уголовных элементов. Судьи и воры в вежливой беседе. Прокуроры и бывшие обвиняемые. Это был один класс. Класс буржуазии, лишенной отечества. Предприниматели, которые строили базы для немцев и которые теперь расширяли и улучшали базы для американцев. Редакторы, которые приветствовали армию Гитлера и которые теперь предоставляли себя в распоряжение янки...»

Так в «лучшей из возможных демократий» коррупция идет рука об руку с национальным предательством.

После года тюремного заключения учитель Аксель Карелиус выпущен на свободу. Подставные лица больше не нужны. «Дело о Скорпионе» замято ценою небольших жертв: несколько наугад выбранных полицейских и несколько безнадежно скомпрометированных дельцов. Деятельность Скорпиона продолжается. И Карелиус приходит к мысли, к которой в последние годы обращаются все более широкие круги ранее безмятежных и пассивных людей: нет, не все благополучно в маленькой северной стране, и «лучшую из демократий, пожалуй, можно сделать получше».

Роман Шерфига «Скорпион» завоевал широкое признание демократической общественности. С успехом романа вынуждена считаться и буржуазная пресса, которая, однако, пытается снизить разоблачительное значение книги, говоря о ней, как о простом изложении «Дела о пауке», действительно положенного в основу «Скорпиона». Но значение сатиры Шерфига выходит далеко за пределы разоблачения отдельных лиц или освещения отдельных деталей этого единичного, хотя, безусловно, и не случайного для Дании дела. Роман Шерфига вскрывает типический характер этого дела, в котором, как в малой капле воды, отразилось вредоносное влияние американской политической и экономической экспансии. В сатирическом арсенале Шерфига — не только остроумные разоблачения конкретных фактов, но и смелые символические образы большого сатирического содержания, не только памфлетные характеристики, за которыми легко угадываются живые прототипы персонажей, но и типические гротескные образы, созданные фантазией художника. В ткань повествования органически вплетаются яркие публицистические отступления, насыщенные живым анализом датской действительности.

При этом, говоря словами великого Щедрина, Шерфиг не только ясно сознает «предмет, против которого направлено» жало сатиры, но и дает «почувствовать читателю тот идеал, из которого отправляется» автор. Солдат, арестованный за чтение журнала «Советский Союз», женщины, вышедшие на улицу с плакатами, призывающими к борьбе за мир, неизвестные люди, оставляющие на стенах домов надписи «Ами, гоу хоум»,— вот чьи чаяния выражает автор романа. Это чаяния людей, заинтересованных в сохранении мира и демократии, а поэтому заинтересованных в том, чтобы очистить мир от гнусного выводка скорпионов. Эта мысль вложена Шерфигом в уста безымянной женщины из народа. Ее обязанности уборщицы, наводящей в Ярде чистоту и порядок, приобретают многозначительный смысл: «Наше дело — произвести генеральную чистку,— говорит она, выметая мусор и грязь и раскрывая окно, в которое врывается свежий ветер».

Х. Шерфиг. «Скорпион». Издательство «Тиден», Копенгаген, 1953 г.
H. Scherfig. «Skorpionen». Forlaget Tiden. København. 1953.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03858.